

На всех кинэкранах!
Всемирный супербестселлер!

- ВОЛНА
- ТЛАЛА
- ВОЛНА
- РАЗРУШЕНИЕ
- ВОЛНА
- ЗАБЛАЗЖЕНИЕ
- ВОЛНА
- ВТОРЖЕНИЕ

5-я ВОЛНА

Рик Янси

Рик Янси

5-я волна

Серия «Пятая волна», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6183822

*5-я волна : роман / Рик Янси: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2013
ISBN 978-5-389-06900-8*

Аннотация

Первая волна оставила за собой мглу. От второй успели убежать только самые везучие. Но едва ли можно назвать везучими тех, кто уцелел после третьей.

А четвертая волна стерла все человеческие законы, взамен же установила свой, один-единственный: хочешь жить – не верь никому.

И вот уже накатывает пятая волна, и Кэсси уходит в неизвестность по усеянной останками людей и машин автостраде. Она спасается от тех, кто лишь с виду человек; от похитителей ее маленького брата; от умелых и ловких убийц, которые ведут зачистку захваченной планеты.

В этом новом мире выживают только одиночки. Найти напарника – значит на порядок уменьшить свои шансы. Прибиться к группе – значит погибнуть наверняка. Кэсси

неукоснительно следует этому правилу... до тех пор, пока не встречает Эвана Уокера. И теперь она вынуждена выбирать – между доверием и отчаянием, между борьбой и капитуляцией, между жизнью и смертью.

[Видео о книге «5-я волна» № 1](#)

[Видео о книге «5-я волна» № 2](#)

Содержание

Вторжение, 1995 год	8
I. Последний летописец	10
1	10
2	12
3	17
4	24
5	30
6	50
7	65
8	67
9	70
10	77
11	86
12	92
13	100
14	108
15	114
16	118
17	124
18	134
19	137
20	143
21	147

22	148
23	154
24	159
II. «Страна чудес»	163
25	163
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Рик Янси

5-я волна

THE 5th WAVE

Copyright © 2013 by Rick Yancey

All rights reserved

© И. Русакова, перевод, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»,
2013

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

*Посвящается Сэнди,
чья мечта вдохновляют
и чья любовь никогда не слабеет*

Я думаю, если инопланетяне когда-нибудь и посетят нас, результат будет таким же, как после прибытия Христофора Колумба в Америку, которое в результате не принесло ничего хорошего коренным американцам.
Стивен Хокинг

Первая волна – отключение электричества

Вторая волна – цунами

Третья волна – эпидемия

Четвертая волна – глушители

Вторжение, 1995 год

Когда это произойдет, никто не проснется.

Пробудившись поутру, женщина не почувствует ничего, кроме смутной тревоги и слабого ощущения, будто кто-то за ней наблюдает. Тревога постепенно исчезнет и уже вечером будет забыта.

Воспоминания об увиденном сне просуществуют чуть дольше.

В этом сне за окном сидит большая сова и смотрит на женщину огромными немигающими глазами с белым ободком.

Женщина спит. И муж рядом с ней не просыпается. Упавшая на них тень не тревожит сон. И тот, ради кого пришла эта тень – ребенок во чреве женщины, – ничего не почувствует. Вторжение не оставит следа на коже, не повредит ни одной клетки в организме матери и младенца.

И минуты не пройдет, как тень исчезнет. Останутся только мужчина, женщина, ребенок внутри ее и пришелец внутри ребенка. Все они спят.

Женщина и мужчина проснутся утром, ребенок – спустя несколько месяцев, когда родится.

Пришелец внутри младенца проснется спустя годы, когда тревога матери и память об увиденном во сне

исчезнут без следа.

Через пять лет эта женщина поведет ребенка в зоопарк и обнаружит там сову, точно такую же, как во сне. Глядя на птицу, она испытает необъяснимую тревогу.

Она не первая увидела во сне сову.

После нее были другие.

I. Последний летописец

1

Пришельцы – идиоты.

Я говорю не о настоящих пришельцах. Иные совсем не глупы. Иные ушли так далеко, что оценивать их интеллект – пустое занятие, все равно что сравнивать самого тупого человека с самой умной собакой. Мы для них не конкуренты.

Я говорю о пришельцах в наших головах. О пришельцах, которых мы придумываем с тех пор, как поняли, что светящиеся точки в небе – это звезды, такие же, как наше Солнце, и, возможно, вокруг них вертятся такие же планеты, как наши. Видите ли, те пришельцы, которых мы себе навоображали и чье наше-ствие нас не пугает, это человеческие пришельцы. Вы их видели миллион раз. Видели, как они пикируют на Нью-Йорк, Токио и Лондон на своих летающих тарелках. Как маршируют по сельской местности в огромных паукообразных машинах, стреляют из лазеров... И всегда, всегда народы моментально забывают свои ссоры и раздоры, объединяются и одерживают верх над ордами пришельцев. Давид убивает Голиафа, все

(кроме Голиафа) счастливы и расходятся по домам.

Ерунда полная.

С тем же успехом таракан может разрабатывать план уничтожения подошвы ботинка, который уже опускается, чтобы его раздавить.

Тут не скажешь наверняка, но я готова поспорить, что иным известно о пришельцах, которых мы себе выдумали. – И я готова поспорить, что иным от наших фантазий смешно до икоты. Если у них есть чувство юмора... и способность икать. Так смеемся мы, видя, как собака выделяет что-нибудь эдакое.

«О, эти людишки! Вообразили, будто мы думаем как они! Ну разве это не мило?»

Забудьте о летающих тарелках, зеленых человечках и гигантских механических пауках, которые испускают смертоносные лучи. Забудьте эпические битвы с истребителями и танками и с победой в конце, когда мы, израненные и неустрашимые, одолеваем пучеглазого червя. Это так же далеко от реальности, как их умирающая планета от нашей цветущей.

Правда в том, что, раз уж они нас нашли, нам конец.

2

Иногда я думаю о себе как о последнем человеке на Земле.

Это то же самое, что последний человек во Вселенной.

Глупо, я понимаю. Они не могли перебить всех... пока не смогли. Хотя несложно себе представить, что будет в итоге. Наверное, тогда я увижу именно то, что должна увидеть согласно замыслу иных.

Помните динозавров? Вот-вот.

Так что я, вероятнее всего, не последний человек на Земле, но одна из последних. И мне, наверное, придется жить в абсолютном одиночестве, пока Четвертая волна не накроет меня.

Вот какие мысли приходят в три часа ночи. Мысли под рубрикой «О господи, я в полной жопе». В такие минуты я сворачиваюсь калачиком и боюсь даже глаза закрыть; страх, в котором я тону, до того плотный, что я в приказном порядке заставляю легкие дышать, а сердце биться. – В такие минуты сознание сбивается, как игла на запиленном диске: «Одна... одна... одна... Кэсси, ты одна...»

Кэсси – это мое имя.

Не от Кассандры или Кэссиди, а от Кассиопеи, то

есть от созвездия Кассиопея, названного в честь красавицы, которую бог морей Посейдон в наказание за самовлюбленность затащил на небо и поместил там вверх ногами на троне. По-гречески ее имя значит «та, кто бахвалится».

Мои родители вообще ничего не знали про этот греческий миф. Они просто сочли имя красивым.

Люди называли меня по-разному, но никто никогда не звал Кассиопеей. Только папа и только когда меня дразнил, и делал он это с очень плохим итальянским акцентом. И здорово злил меня. Я не считала, что у него получается смешно. В результате я возненавидела свое имя.

«Я Кэсси! – кричала я ему. – Просто Кэсси!»

А сейчас все бы отдала, лишь бы услышать хоть раз, как он произносит мое полное имя.

Когда мне исполнилось двенадцать – за четыре года до Прибытия, – папа подарил телескоп. Холодным осенним вечером установил прибор на заднем дворе и показал мне это созвездие.

– Вон, смотри, оно похоже на перевернутую букву «М», – сказал папа.

– А почему тогда его называли Кассиопеей? – спросила я. – Что значит «М»?

– Ну... я не знаю, что угодно, – с улыбкой ответил папа.

Мама всегда говорила ему, что улыбка – лучшее в его внешности, поэтому он часто ею пользовался, особенно с тех пор, как начал лысеть.

– Например, мечтательная. Или мудрая.

Папа положил руку мне на плечо, а я, прищурившись, посмотрела в телескоп на пять звезд, которые сияли в пятидесяти световых годах от нас. Я чувствовала отцовское дыхание у себя на щеке, теплое и влажное в тот холодный осенний вечер. Оно было таким близким, а звезды Кассиопеи такими далекими.

Теперь звезды кажутся гораздо ближе. Не верится, что нас разделяют триста триллионов миль. Такое чувство, будто я могу до них дотронуться, а они могут дотронуться до меня. Я даже будто бы ощущаю их дыхание, как дыхание папы в тот вечер.

Звучит, конечно, как полный бред. Я брежу? Сошла с ума? Сумасшедшим можно назвать человека лишь в том случае, если рядом с ним есть кто-то нормальный. Это как хорошо и плохо. Когда кругом все слишком хорошо, это может означать, что кругом все плохо.

Гм... это похоже на бред.

Впрочем, бред – сегодняшняя норма жизни.

Пожалуй, я могу назвать себя сумасшедшей, ведь мне есть с кем себя сравнивать. С собой. Не с собой теперешней, которая дрожит от холода в чаще леса и боится даже нос высунуть из спального мешка. Нет, я

говорю о той Кэсси, которой была до Прибытия, до того, как инопланетяне припарковались на нашей орбите. У той двенадцатилетней Кэсси самыми большими проблемами были россыпь веснушек на носу, непослушные вьющиеся волосы и симпатичный мальчик, который часто видел ее в школе, но даже не подозревал о ее существовании. Та Кэсси смирилась с неприятным фактом: она совершенно нормальная девчонка. С обычной внешностью, учится хорошо, неплохо играет в футбол и занимается карате. Вообще, вся уникальность этой девочки заключалась в ее имени – Кэсси от Кассиопея, о чем, правда, никто не знал, – и в способности доставать языком до носа – талант, который ко времени перехода в среднюю школу потерял все свои плюсы.

По меркам той Кэсси, я, наверное, сумасшедшая.

И конечно, по моим – сумасшедшая она. Иногда я ору на нее, на ту двенадцатилетнюю Кэсси: ну чего она так волнуется из-за своих волос, или из-за имени, или из-за того, что ничем не выделяется среди других нормальных девчонок.

«Чем ты занимаешься! – кричу я. – Разве не знаешь, что случится скоро?»

Только это несправедливо. Она ведь и правда не знала, что случится скоро, и не имела возможности узнать. И это было для нее благом, поэтому я так по

ней и скучаю, – если честно, больше, чем по всем другим. Иногда я плачу... разрешаю себе плакать по ней. Я не плачу по себе. Я оплакиваю Кэсси, которой больше нет.

Интересно, что бы она подумала обо мне теперешней.

О Кэсси, которая убивает.

Вряд ли он был намного старше меня. Наверное, восемнадцать-девятнадцать. Но, черт, ему, если на то пошло, могло быть и семьсот девятнадцать. Я пять месяцев варюсь во всем этом, но до сих пор не уверена, что собой представляет Четвертая волна: это люди, гибриды или сами иные? Хотя мне не нравится думать, что иные выглядят как мы, говорят как мы и кровь у них такая же, как у нас. Мне больше хочется считать, что иные – иные.

Я совершала еженедельную вылазку за питьевой водой. Рядом с моей стоянкой есть ручей, но я боялась, что он загрязнен какими-нибудь химикатами или нечистотами или выше по течению лежат трупы. А еще он мог быть отравлен. Лишить питьевой воды – отличный способ быстро от нас избавиться.

Так что раз в неделю я забрасываю на плечо верную М-16 и выхожу из леса. В двух милях к югу, как раз возле 175-го шоссе, есть пара заправок с продуктовыми магазинчиками. Я беру бутылки с водой, сколько могу унести, то есть немного, потому что вода тяжелая, и спешно возвращаюсь в лес. Стараюсь очутиться в своем относительно безопасном укрытии до наступления ночи. Сумерки – лучшее время для пере-

ходов. Никогда не видела беспилотники вечером. Три или четыре днем и гораздо больше ночью, но вечером – никогда.

На этот раз, проникнув через разбитую дверь в магазин, я сразу поняла: что-то не так. Никаких внешних перемен, те же граффити на стенах, что и неделю назад, опрокинутые полки, на полу пустые коробки и засохший крысиный помет, кассы выпотрошены, холодильники с пивом разграблены. Все тот же вонючий бардак, через который я пробиралась четырежды в месяц к складу за шкафами-холодильниками. Почему люди растащили пиво и лимонад, почему забрали наличность из кассы и сейфа и лотерейные билеты, но оставили два паллета с питьевой водой – выше моего понимания. О чем они только думали?

«Конец света! На нас напали пришельцы! Скорее хватай пиво!»

Все то же самое – крысиная вонь и смрад от протухших продуктов, завихрения пыли в тусклом свете, который проникает в магазин сквозь грязные стекла дверей. Все, чего не должно быть в нормальном магазине, на месте. Никаких перемен.

И все же что-то не так.

Что-то изменилось.

Я стояла на россыпи стеклянных крошек в дверях магазина. Я не видела этого «не так». И не слышала.

И не чувствовала его запаха. Но знала: оно есть.

На людей давным-давно не охотятся хищники. Уже тысяч сто лет. Но в наших генах осталась память – рефлекс газели, инстинкты антилопы. В траве шелестит ветер. Между деревьями мелькают чьи-то тени. И поверх всего этого еле слышный голос: «Тихо, опасность близка. Совсем рядом».

Я не помню, как сорвала М-16 с плеча. Миг назад винтовка была у меня за спиной, и вот она в руках – ствол опущен, предохранитель снят.

«Рядом».

Я никогда не стреляла в живое существо крупнее зайца. Тогда это было что-то вроде эксперимента, я хотела убедиться, что смогу выстрелить из винтовки и не продырявить себе что-нибудь. Как-то раз пальнула поверх голов одичавших собак, которые проявляли интерес к моей лесной стоянке. А еще я целилась в светящуюся зеленую точку корабля иных, скользящую на фоне Млечного Пути. Ладно, признаю, это было глупо. С тем же успехом можно растянуть над головой транспарант с нарисованной стрелой и словами: «Эй вы, я здесь!»

После опыта с бедным зайкой, которого моя пуля превратила в месиво из потрохов и костей, я решила, что не стану охотиться с винтовкой. Я даже не практиковалась в стрельбе по мишеням. В тишине, что на-

валилась на нас после Четвертой волны, выстрел из винтовки звучит громче взрыва атомной бомбы.

И все равно М-16 оставалась моей самой лучшей подругой. Она всегда была рядом, даже ночью лежала в спальнике, – служила верой и правдой. Во время Четвертой волны не факт, что люди – это люди. Но можно не сомневаться в том, что твоя винтовка – это твоя винтовка.

«Тише, Кэсси. Близко!»

Следовало прислушаться к тихому предостерегающему голосу. Он старше меня. Он старше всех людей на свете, даже самых старых.

Вместо этого я вслушалась в тишину заброшенного магазина. Изо всех сил напрягала слух. «Близко». Что – близко? Или кто? Я сделала шаг от двери, и осколки стекла скрипнули под ногой.

А потом раздался другой звук, нечто между кашлем и стоном. Этот полукашель-полустон исходил из помещения за шкафами-холодильниками – оттуда, где моя вода.

В этот момент мне не требовалась подсказка от тихого голоса. Все было ясно как белый день. Бежать!

Но я не побежала.

Первое правило выживания во время Четвертой волны – не верь никому. Не важно, на кого этот кто-то похож. Иные большие спецы в таких делах, хотя,

что тут говорить, они спецы во всем. Способны выглядеть нормально, говорить правильные вещи и совершать поступки, каких ты от них ждешь. Нельзя обманываться! Разве смерть моего папы не служит тому доказательством? Даже если встретившаяся тебе старушка выглядит еще умильнее, чем твоя двоюродная бабушка Тилли, и прижимает к груди беспомощного котенка – не спеши расслабляться. За пушистым зверьком может прятаться пистолет сорок пятого калибра.

И чем больше ты об этом думаешь, тем вероятнее становится этот вариант. С умильной старушкой держи ухо востро.

Но если я буду слишком много думать на эту тяжелую тему, мне придется залезть в спальный мешок, застегнуть молнию и умереть от голода. Никому не доверять – значит не доверять ни одной живой душе. Лучше считать, что бабуля Тилли – из иных, чем ставить на то, что перед тобой переживший Вторжение человек.

Это чертовски жестокий прием.

Это разрывает наше общество на части, дробит на атомы. Благодаря этому нас легче выслеживать и уничтожать. Четвертая волна загнала нас в одиночество, где нет коллективной силы, где мы постепенно теряем рассудок от страха и предчувствия неизбежного кон-

ца.

Поэтому я не убежала. Что толку бежать? Я должна защитить свою территорию, вне зависимости от того, кто прячется в магазине, бабуля Тилли или кто-то из иных. Единственный способ выжить – оставаться одной. Это правило номер два.

Я двинулась на плач, смешанный с кашлем, или кашель, смешанный с плачем, называйте как хотите, и, затаив дыхание, на цыпочках подступила к дверям в подсобное помещение.

Дверь была приоткрыта достаточно, чтобы я смогла протиснуться боком. К стене напротив меня примыкал металлический стеллаж, а справа вдоль ряда холодильников тянулся длинный узкий проход. Окна в этом помещении отсутствовали, но оранжевый свет заката за моей спиной был достаточно ярким, чтобы я отбрасывала тень на грязный пол. Я пригнулась, и тень сократилась.

Заглянуть за холодильник я не могла, но слышала чей-то кашель, стон и булькающее рыдание.

«Либо сильно пострадал, либо притворяется, – подумала я. – Или ему нужна моя помощь, или это ловушка».

Вот такой стала наша жизнь после Прибытия. Сплошное «или – или».

«Или это кто-то из них и он знает о твоём появле-

нии, или это не иной и ему нужна твоя помощь».

В любом случае я должна была выпрямиться и выйти из-за этого холодильника.

Поэтому я выпрямилась.

И вышла.

4

Он лежал, привалившись спиной к стене в двадцати футах от меня. Ноги раскинуты, рука прижата к животу. На нем была солдатская форма и черные ботинки. Он весь был в грязи и в крови. Кровь была повсюду. На стене за ним, на холодном бетонном полу под ним. Его форма была в крови и волосы тоже. В полумраке кровь поблескивала, как смола.

В другой руке он держал пистолет, и тот был нацелен мне в голову.

Я ответила тем же. Его пистолет против моей штурмовой винтовки. Пальцы на спусковых крючках.

То, что он в меня целился, еще ничего не значило. Он мог действительно быть раненым солдатом, который подумал, что я из иных.

А может, и нет.

– Брось винтовку, – прорычал он.

«Черта с два».

– Брось винтовку! – крикнул он.

Вернее, попытался крикнуть. Слова получались рваными и невнятными, их размывала поднимающаяся по горлу кровь.

Алая струйка перелилась через его нижнюю губу и повисла дрожащей ниткой на подбородке. Зубы бле-

стели от крови.

Я отрицательно покачала головой, стоя спиной к свету и молясь, чтобы он не заметил, как сильно меня трясет, чтобы он не заметил страх в моих глазах. Передо мной был не какой-то паршивый заяц, который однажды солнечным утром сдуру прискакал на мою стоянку. Это был человек. Или некто очень похожий на человека.

Никогда не знаешь, способна ли ты убить, пока не убьешь.

Он сказал в третий раз, уже не так громко, как во второй. Получилось не требование, а просьба:

– Брось винтовку.

Рука с пистолетом дрогнула. Мои глаза уже привыкли к полумраку, и я заметила, как по стволу катится капелька крови. Значит, он опустил ся.

А потом парень уронил пистолет.

Тот с резким лязгом упал между его ног. Парень поднял открытую ладонь над плечом.

– Ладно, – растянул он губы в кровавой улыбке, – твоя очередь.

Я снова покачала головой и сказала:

– Вторую руку.

Я надеялась, что в голосе будет уверенность, которой я не ощущала. У меня задрожали колени, затекли руки и закружилась голова. И еще я боролась с позы-

вами рвоты. – Никогда не знаешь, сможешь или нет, пока не сделаешь.

– Не могу, – сказал он.

– Вторую руку.

– Боюсь, если я ее уберу, у меня вывалятся кишки.

Я прижала к плечу приклад. Я вспотела, меня трясло, и я пыталась принять решение.

«Или – или, Кэсси. Что ты собираешься делать? Или одно, или другое».

– Я умираю, – без эмоций сказал он, и на расстоянии двадцати футов его глаза были похожи на блестящие булабочные головки. – Так что у тебя два варианта: или прикончить меня, или помочь. Я знаю, что ты человек...

– Откуда такие сведения? – поспешила я спросить, пока он не умер.

Если он настоящий солдат, то может знать, как определить разницу. Это была бы чрезвычайно важная для меня информация.

– Не будь ты человеком, уже прикончила бы меня.

Он снова улыбнулся, и на щеках появились ямочки. Вот тут-то я и поняла, какой он на самом деле молодой. Всего года на два старше меня.

– Видишь? – спокойно сказал он. – Ты догадалась, так же как и я.

– О чем я догадалась?

У меня навернулись слезы. Его беспомощно привалившееся к стене тело пошло рябью, как в кривом зеркале, но я не рискнула опустить винтовку, чтобы вытереть глаза.

– Что я человек. Не был бы человеком, сразу бы тебя пристрелил.

Это логично. Или это логично, потому что я хочу, чтобы это было логично? Может, он бросил пистолет, чтобы я последовала его примеру и рассталась с винтовкой? Тогда он выхватит из-под одежды второй пистолет и продырявит мне голову.

Вот что сделали с нами иные. Нельзя идти в бой, если не доверяешь товарищу. А без доверия нет и надежды.

Как вытравить всех людей на Земле? Надо вытравить из них все человеческое.

– Я должна видеть твою вторую руку.

– Говорю же...

– Я должна видеть твою вторую руку! – Тут, как я ни старалась держать себя в руках, сорвался голос.

Он этого не заметил.

– Тогда лучше просто убить меня, сука! Пристрели, и дело с концом!

Его голова откинулась к стене, открылся рот, жуткий злобный вой заполнил всю комнату, от стены до стены, от пола до потолка, и ударил мне по барабанным

перепонкам. Я не знала, от боли воет солдат или от того, что понял: его не собираются спасать. Он потерял надежду, а это убивает задолго до наступления смерти.

– Если покажу, – спросил он, задыхаясь и раскочиваясь взад-вперед на окровавленном бетонном полу, – если я тебе покажу, ты поможешь?

Я не отвечала, потому что у меня не было ответа. Счет шел на секунды.

Он принял решение за меня. Теперь я думаю, что он не собирался отдавать победу иным. Он не собирался терять надежду. Он по крайней мере сохранил в себе какую-то крупицу человеческого.

Скривившись от боли, парень медленно протянул вперед левую руку. К этому моменту в комнате было уже почти темно, и весь свет, который там оставался, казалось, исходил от него, пронизывая меня и устремляясь дальше, в полуоткрытую дверь.

Его рука была покрыта запекшейся кровью, словно на ней надета темно-красная перчатка.

Слабый свет коснулся окровавленной руки и пробежал по какому-то металлическому предмету, тонкому и длинному. И мой палец нажал на спуск. Приклад сильно бил в плечо, а ствол подскакивал, пока я опустошала обойму. Откуда-то издалека доносился крик. Но крик был не его. Это кричала я и все, кто остал-

ся на Земле, если кто-то остался. Мы, беспомощные дураки, потерявшие надежду, вопили, потому что всё поняли неправильно. Мы чудовищно заблуждались. Не было никаких орд, явившихся к нам из космоса на летающих тарелках, не было металлических роботов, как в «Звездных войнах», или маленьких сморщенных инопланетян, которые хотели всего лишь сорвать пару листиков, пожевать «рисес писес» и улететь домой. Так что это еще не конец.

Конец, он совсем не такой.

Конец, это когда на закате летнего дня мы убиваем друг друга, прячась за холодильниками для пива.

Я подошла к нему, прежде чем исчез последний луч света. Подошла не для того, чтобы убедиться в его смерти. – Я знала: он мертв. Я подошла, чтобы взглянуть на то, что он продолжал держать в окровавленной руке.

Это было распятие.

5

После него я никого не видела.

Теперь листва почти опала, ночи все холоднее. Я не могу оставаться в этом лесу. Голые деревья не скроют меня от дронов, разжигать костер слишком рискованно. Надо уходить.

Я знаю, куда идти. Знаю уже давно. Я дала обещание. Такое обещание нельзя нарушить, если его нарушишь – потеряешь часть себя, возможно самую важную часть.

Но находятся отговорки. Например: «Сначала надо набраться сил. Необходимо разработать план, нельзя входить в пещеру льва без плана». Или: «Ничего уже не сделать, все потеряло смысл. Ты прождала слишком долго».

Какой бы ни была причина, которая удерживала меня в лесу, я должна была уйти в ту ночь, когда убила солдата. Не знаю, какими были его ранения, я не осмотрела труп, а стоило бы, хоть нервы у меня тогда и сдали. Возможно, он пострадал в результате несчастного случая, но скорее всего, его подстрелил человек или нечеловек. А если это так, значит этот кто-то или это что-то все еще там... если только солдат с распятием не уничтожил его (ее, их, это). Или он

был одним из иных, а распятие – уловка...

Вот еще один способ поддерживать сумятицу в наших умах: мучить неизвестностью. Мы знаем, что конец неминуем, но каким он будет, остается только гадать. Возможно, Пятая волна – это атака изнутри, превращение наших мозгов в оружие против нас самих.

Возможно, последний человек на Земле умрет не от голода, не от того, что ему больше негде будет прятаться, и его не сожрут дикие звери.

Возможно, последнего выжившего убьет последний выживший.

«Ладно, Кэсси, это не то место, куда ты хочешь отправиться».

Честно говоря, даже притом, что оставаться здесь равносильно самоубийству и надо сдержать обещание, которое я дала, уходить не хочется. Этот лес долгое время служил мне убежищем. Я знаю здесь каждую тропинку, каждое дерево, каждый куст. Все свои шестнадцать лет я прожила на одном месте, но не скажу, что точно знаю, как выглядел наш задний двор. Зато я способна описать каждый лист и каждую ветку на этой территории. Понятия не имею, что находится за лесом и двумя милями федеральной автострады, по которой я еженедельно хожу за припасами. Наверное, все то же: брошенные города, вонь нечистот, выгоревшие дома, одичавшие собаки и кошки, разби-

тые машины по всей трассе. И разложившиеся трупы. Много-много трупов.

Я собираюсь в дорогу. Эта палатка долгое время была моим домом, но она слишком громоздкая, а путешествовать надо налегке. Беру только самое необходимое, плюс «люгер», винтовка М-16, патроны и верный охотничий нож. Спальный мешок, аптечка, пять бутылок воды, три упаковки «Слим Джимс» и несколько банок с сардинами. До Прибытия я ненавидела консервированные сардины, а теперь пристрастилась. Что я высматриваю первым делом, когда натякаюсь на продуктовый магазин? Сардины.

Книги? Они тяжелые и займут много места в и без того разбухшем рюкзаке. Но книги – мой пунктик. Как у папы. Стены в нашем доме от пола до потолка были уставлены книжками, папа их собирал после Третьей волны, когда было уничтожено больше трех с половиной миллиардов человек. Пока кругом рыскали в поисках питьевой воды и продуктов и пополняли запасы оружия для последней битвы, которой все мы ждали, папа ездил на «Рэйдио флаере», велике моего брата, и привозил домой книги.

Цифры его не смущали. Тот факт, что за четыре месяца население сократилось с семи миллиардов до пары сотен тысяч, не пошатнул его уверенности в том, что человеческий род выживет.

«Мы должны думать о будущем, – твердо говорил он мне. – Когда все это кончится, нам придется восстанавливать по крупицам нашу цивилизацию».

Фонарик. Запасные батарейки.

Зубная щетка и паста. Я решила, что умру с почищенными зубами, когда настанет мое время.

Перчатки. Две пары носков, трусы, «Тайд» в походной упаковке, дезодорант и шампунь. (Смотрите выше – умереть чистой.)

Тампоны. Я постоянно думаю о том, сколько их осталось и удастся ли найти еще.

Полиэтиленовый пакет с фотографиями. Папа. Мама. Мой маленький брат Сэмми. Родители мамы и папы. Элизабет, лучшая подруга. Одна из фотографий с Беном Пэришем, когда-то таким важным для меня и таким неотразимым. Я вырезала ее из школьного альбома, потому что Бен был моим будущим парнем и, возможно, будущим мужем. Только он об этом не знал. Вряд ли он подозревал о моем существовании. Я дружила кое с кем из его свиты, но сама была девочкой заднего плана. Единственным недостатком Бена был его рост, выше меня на целый фут. Теперь можно сказать, что у него два недостатка: рост и тот факт, что он мертв.

Мобильник. Он спекся в Первую волну, и нет никакой возможности зарядить. Башни сотовой связи вы-

ведены из строя, а если бы и сохранились, то звонить все равно некому. Но поймите: это мой телефон.

Щипчики для ногтей.

Спички. Я не разжигаю костры, но вдруг однажды понадобится что-нибудь поджечь или взорвать.

Два блокнота на пружине. Разлинованные. Один в фиолетовой обложке, другой в красной. Мои любимые цвета, а еще эти блокноты – дневники. Это то, что касается надежды. Но если я последняя на Земле и не осталось людей, способных их прочесть, возможно, прочитают иные и узнают, что я о них думаю. Если вы – иной, читайте:

«Пошли вы все!»

Леденцы «Старберст», уже без апельсиновых. Три упаковки «Ригли сперминт». Два последних «Тутси попс».

Обручальное кольцо мамы.

Старый сердитый плюшевый мишка брата. Он и теперь не мой любимец. Я никогда его не тискаю.

Это все, что поместилось в рюкзак. Странно. С виду вроде слишком много вещей и в то же время недостаточно.

Можно еще втиснуть пару книжек в мягкой обложке. «Гекльберри Финн» или «Гроздь гнева»? Стихи Сильвии Плат или Шела Сильверстейна? Наверное, брать с собой Плат – не самая хорошая идея. Очень

уж депрессивные стихи. Сильверстейн писал для детей, и он до сих пор способен меня рассмешить. Я выбираю «Приключения Гекльберри Финна» (сюжет подходящий) и Сэмов сборник стихов «Там, где кончается тротуар».

В дорогу, Шел! Забирайся на борт, Гек.

Взвалив рюкзак на плечо и закинув винтовку на другое, я уйду по тропе в сторону автострады. И не оглядываюсь назад.

На краю леса я останавливаюсь. Двадцатифутовый спуск ведет к уходящим на юг полосам автострады. На дороге жуткий беспорядок: груды одежды, разодранные мешки с мусором, выгоревшие остовы трейлеров, которые везли все, от молока до бензина. И везде машины – и разрозненные группки покореженных, и здоровенная автоколонна, этакая змея, растянувшаяся на мили. Утреннее солнце сверкает повсюду на осколках стекла.

Тел здесь нет. Машины стоят со времен Первой волны, их уже очень давно покинули хозяева.

В Первую волну, на десятый день после Прибытия, когда ровно в одиннадцать часов мощный электромагнитный импульс разорвал атмосферу Земли, погибло не так много людей. По прикидкам папы, около полумиллиона. Согласна, полмиллиона – много, но, в сущности, это мелочь. Во Вторую мировую войну по-

гибло в сто раз больше.

И у нас было время подготовиться, только мы не знали, к чему именно надо готовиться. С того момента, когда спутник начал фотографировать корабль-носитель на фоне Марса, до Первой волны прошло десять дней. Десять дней хаоса. Военное положение, заседания ООН, парады, вечеринки на крышах, бесконечные интернет-чаты, и по всем медиа двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю репортажи о Прибытии. Обращение президента к нации, после которого он удалился в свой бункер. Закрытая для прессы чрезвычайная сессия Совета Безопасности.

Многие покинули насиженные места. Как наши соседи Маевски. На шестой день они взяли все свои пожитки, что поместились в трейлер, и отправились в дорогу заодно с массами беженцев, которым почему-то казалось, что в любом другом месте безопаснее, чем дома. Тысячи людей ушли в горы, пустыни, болота. Ну, вы знаете: хорошо там, где нас нет.

Для Маевски «там, где хорошо» был Диснейленд. И не только для них. За эти десять дней до электромагнитного импульса Диснейленд побил все рекорды посещаемости.

Папа спросил мистера Маевски:

– А почему Диснейленд?

И мистер Маевски ответил:

– Ну... дети ни разу там не были.

Его дети уже учились в вузах.

Кэтрин Маевски, на два года старше меня, накануне не вернулась из университета Бэйлора.

– А вы куда поедете? – спросила она.

– Никуда, – ответила я.

Я действительно не хотела уезжать. Я все еще пребывала в стадии отрицания, внушала себе: это безумие с инопланетянами скоро закончится. Однако понятия не имела, что для этого должно произойти, – возможно, подписание какого-нибудь мирного межгалактического договора. Или, думала я, они высадутся на Землю, возьмут пару образцов почвы и отправятся восвояси. Или они просто прибыли к нам отдохнуть, как Маевски в Диснейленд.

– Лучше бы вам уехать отсюда, – сказала Кэтрин. – Большие города будут их первой целью.

– Может, ты и права, – сказала я. – Им и в голову не придет стереть с лица земли Волшебное Королевство.

– Как бы ты предпочла умереть? – без обиняков спросила Кэтрин. – Прячась под кроватью или катаясь на «Бигтандере»?

Хороший вопрос.

Папа сказал, что мир разделился на два лагеря: на тех, кто бежит, и тех, кто остается. Убегающие от-

правились в горы, в частности на гору «Бигтандера». Оставшиеся заколачивали окна в своих домах, запасались консервами и оружием и круглыми сутками держали телевизоры включенными на канале Си-эн-эн.

За эти последние десять дней незваные гости не прислали нам ни одной весточки. Не подали ни единого знака. – Они не приземлялись на Южной лужайке¹; головастые чудики в серебристых комбинезонах не требовали сопроводить их к нашему лидеру. Не было блестящих вращающихся громкоговорителей, изрыгающих универсальный язык музыки.

А когда мы послали пришельцам сообщение, что-то вроде: «Привет, добро пожаловать на Землю; надеемся, вам тут понравится; пожалуйста, не убивайте нас», ответа тоже не последовало.

Никто не знал, что делать. Мы надеялись, что знает правительство. У правительства есть планы на все случаи жизни. Наверное, имеется план и на случай, если заявятся инопланетяне, как тот придурковатый родственник, о котором никто в семье не любит упоминать.

Кто-то решил остаться. Кто-то решил бежать. Кто-то женился, кто-то разводился. Кто-то кончал жизнь

---

¹ Южная лужайка – имеется в виду лужайка напротив Белого дома. (Здесь и далее примечания переводчика.)

самоубийством. Какие-то люди бессмысленно, словно зомби, бродили по городу, не в силах осознать масштаб происходящего.

Теперь в это трудно поверить, но наша семья, как и большинство других, жила своей обычной жизнью, словно вокруг нас не разыгрывалась самая великая драма в истории человечества. Мама и папа ходили на работу, Сэмми в детский сад, а я в школу и на тренировки по соккеру. Это было так обыденно и так ненормально. К концу Первого дня все старше двух лет успели тысячу раз увидеть корабль-носитель. Его неповоротливая серо-зеленая туша размером с Манхэттен вращалась над Землей на высоте двести пятьдесят миль. В НАСА объявили, что планируют расконсервировать шаттлы и попробуют выйти на контакт с пришельцами.

«Что ж, это хорошо, – думали мы. – А то их молчание просто оглушает. Как-то невежливо даже. Ведь не для того они пролетели триллионы миль, чтобы поглазеть на нас».

На Третий день я пошла на свидание с парнем по имени Митчелл Фелпс. Ну, вообще-то, пошла – в этом случае значит вышла из дома. Из-за комендантского часа свидание состоялось у нас на заднем дворе. По пути Митчелл заскочил в «Старбакс». Мы сидели, пили кофе и притворялись, будто не замечаем, как па-

па ходит туда-сюда по гостиной. Митчелл приехал в город за несколько дней до Прибытия. На уроке мировой литературы он сел у меня за спиной, а я совершила ошибку, одолжив ему фломастер. Потом он пригласил меня на свидание, ведь считается, что если девочка одалживает тебе фломастер, то ты в ее вкусе. Не знаю, почему я согласилась встретиться с Митчеллом. Он не был особо симпатичным и интересным тоже не был, если не считать ауру новенького, и уж определенно он не был Беном Пэришем. Никто не был таким, как Бен Пэриш, кроме самого Бена Пэриша, вот в чем проблема.

На Третий день одни люди постоянно говорили об иных, другие не говорили о пришельцах вообще. Я попала во вторую категорию.

Митчелл поднял эту тему первым.

– А что, если они – это мы? – спросил он.

Времени после Прибытия прошло всего ничего, а все психи-конспирологи как с цепи сорвались. Стремительно разлетались слухи о секретных проектах правительства, якобы кризис с инопланетянами был изобретен специально, чтобы лишить нас гражданских прав и свобод. Я подумала, что Митчелл клонит именно в эту сторону, и застонала.

– Ты чего? – спросил он. – Я не имел в виду конкретно нас с тобой. Я хотел сказать, вдруг они – это

мы из будущего?

– Как в «Терминаторе»? – Я закатила глаза. – Явилась, чтобы остановить восстание машин? Или, может, они и есть машины? Думаешь, это сам Скайнет?

– Нет, не думаю, – ответил Митчелл так, будто я говорила всерьез. – Это парадокс убитого дедушки.

Сказано это было так, будто я не могла не знать о парадоксе убитого дедушки. Так, будто не знать о парадоксе убитого дедушки может только законченный тупица. Ненавижу, когда так делают.

– Что еще за дедушка?

– Они... то есть мы... не могут вернуться в прошлое и что-то там изменить. Если ты отправишься в прошлое и убьешь деда до своего рождения, то уже не сможешь попасть обратно в будущее.

– Зачем убивать собственного деда?

Я вертела соломинкой в пластиковом стакане с фруктовым фрапучино специально, чтобы получить этот уникальный звук – писк соломинки в пластиковой крышке.

– Суть в том, что это может изменить историю, – сказал Митчелл так, будто это я завела беседу о путешествиях во времени.

– Нам обязательно об этом говорить?

– А о чем еще? – искренне удивился Митчелл, и его брови поползли вверх.

У Митчелла были очень густые брови. Это первое, на что я обратила внимание, когда его увидела. А еще он грыз ногти. Это второе, на что я обратила внимание. Ногти многое могут рассказать о человеке.

Я достала сотовый и отправила Элизабет эсэмэску: «Спаси».

– Тебе страшно? – спросил Митчелл.

Он пытался развлечь меня или как-то приободрить. И очень внимательно смотрел мне в лицо.

Я отрицательно покачала головой:

– Просто скучно.

Это была ложь. Конечно, мне было страшно. Я понимала, что дурно веду себя с Митчеллом, но ничего не могла поделать. По какой-то причине, не знаю по какой, я злилась на него. Может быть, на самом деле я злилась на себя – из-за того, что согласилась на свидание с парнем, который мне совсем не интересен. Или из-за того, что он не тот, с кем я хотела бы встретиться. Нет никакой вины Митчелла в том, что он не Бен Пэриш. И тем не менее.

«Спасти от чего?»

– Мне все равно, о чем разговаривать, – сказал Митчелл.

Он уставился на клумбу с розами, размешивая осадок в кофе; его коленка при этом так прыгала под столом, что мой стаканчик затрясся.

«Митчелл».

Я не думала, что надо набирать еще какой-то текст.

– Кому ты пишешь эсэмэски?

«Говорила, не встречайся с ним».

– Вы не знакомы.

«Поздно».

– Можем пойти куда-нибудь, – предложил Митчелл. – Хочешь в кино?

– Сейчас комендантский час, – напомнила я ему.

В комендантский час никому не разрешалось появляться на улице, за исключением военных и «скорой помощи».

«Лол. Чтобы Бен ревновал».

– Ты злишься или что?

– Нет, я же сказала, просто скучно.

Митчелл обиженно поджал губы. Он не знал, о чем еще говорить.

– Я всего лишь хочу понять, кто они, – сказал он.

– Да кто угодно, – сказала я. – Никто не знает, а они нам не скажут. Так что теперь все сидят и гадают на кофейной гуще. Дурацкое занятие. Может, это люди-мыши с планеты Сыр прилетели за нашим проволоном.

«БП неизвестно о моем существовании».

– Знаешь, – сказал Митчелл, – это как-то грубо – слать эсэмэски, когда я пытаюсь с тобой разговари-

вать.

И он был прав. Я сунула телефон в карман.

«Что на меня нашло?» – подумала я.

Прежняя Кэсси никогда бы так себя не повела. Иные уже начали меня изменять, но я цеплялась за мысль, что ничего не меняется, тем более я.

– А ты слышала, что мы строим посадочную площадку? – спросил Митчелл, возвращаясь к теме, которая, как я ему уже говорила, наводит на меня тоску.

Я слышала. В Долине Смерти. Да, именно так – в Долине Смерти.

– Лично я не считаю, что это хорошая идея, – сказал Митчелл. – Раскатывать перед ними ковровую дорожку.

– Почему бы и нет?

– Прошло три дня. Три дня, а они не идут на контакт. Если настроены дружески, почему до сих пор не поздоровались?

– Может, стесняются. – Я намотала на палец прядь волос, а потом потянула, не сильно, только чтобы почувствовать приятную такую боль.

– Как новички в школе, – сказал Митчелл.

Быть новичком нелегко. Я почувствовала, что должна извиниться.

– Злюсь сама не знаю на кого, – призналась я. – Прости.

Митчелл озадаченно посмотрел на меня. Он говорил о пришельцах, а не о себе, и тут я вставляю что-то про себя, хотя я – не он и не инопланетянин.

– Все нормально... Я слышал, ты не часто ходишь на свидания.

Упс.

– Что еще ты слышал?

Вопрос из тех, на которые вовсе не хочется получить ответы, но ты все равно его задаешь.

Митчелл шумно высосал кофе через дырочку в пластиковом стакане.

– Не много. Я же специально не расспрашивал.

– Ты спросил кого-то, и тебе сказали, что я не часто хожу на свидания.

– Я просто сказал, что хочу пригласить тебя на свидание, и услышал в ответ: Кэсси клевая девчонка. Я спросил: какая? И мне сказали, что ты высший класс, но мне не стоит надеяться, потому что ты запала на Бена Пэриша...

– Что-что? Кто тебе все это наболтал?

Митчелл пожал плечами:

– Не помню, как ее зовут.

– Лизбет Морган?

«Убью ее!»

– Я не запомнил имя, – повторил он.

– Как выглядит?

– Длинные каштановые волосы. В очках. Кажется, ее зовут Кэрли или что-то вроде этого.

– Я не знаю никакой...

О боже! Какая-то Кэрли, с которой я даже незнакома, в курсе насчет меня и Бена Пэриша... насчет того, чего нет между мной и Беном Пэришем. А если Кэрли или еще какая-нибудь девчонка знает об этом, то и все остальные знают.

– Ну, так они ошибаются, – отрезала я. – Я не запала на Бена Пэриша.

– Меня это не волнует.

– Меня волнует!

– Наверное, ничего не получится, – сказал Митчелл. – Все, что я говорю, или злит тебя, или скуку нагоняет.

– Я не злюсь, – зло возразила я.

Да, он был прав. А я была не права, не рассказав ему о том, что Кэсси, с которой он познакомился, совсем не та Кэсси, которой я была до Прибытия. Кэсси до Прибытия даже на комаров не злилась. В тот момент я не была готова признать правду: с прибытием иных изменился не только наш мир. Изменились мы. Я изменилась. В тот момент, когда появился корабль-носитель, я ступила на тропу, что привела меня в подсобку круглосуточного магазина с пустыми холодильниками для пива. А тот вечер с Митчеллом был

только началом моей эволюции.

Митчелл был прав: иные сделали остановку у нас на орбите не для того, чтобы сказать «Привет!».

В канун Первой волны известный физик-теоретик, один из умнейших парней на планете (именно такой титр появился в кадре над его говорящей головой: «Один из умнейших парней на планете»), вещал на канале Сиэнэн. Этот умнейший парень сказал: «Меня не воодушевляет это молчание. Боюсь, нас скорее ждет нечто сравнимое с прибытием в Америку Христофора Колумба, чем эпизоды из „Ближних контактов“. А ведь всем нам известно, чем для коренных американцев обернулась высадка Колумба».

Я повернулась к папе и сказала:

– Надо бросить в них ядерную бомбу.

Чтобы папа услышал, мне пришлось повесить голос. Дело в том, что папа, когда смотрел новости, всегда увеличивал громкость, чтобы их не заглушал любимый мамин канал Тиэлси, который она смотрела на кухне. Я называла это «войной пультов».

– Кэсси!

Папа был шокирован моим заявлением. Это я поняла, когда увидела, что он поджимает пальцы в белых спортивных носках. Он вырос на «Ближних контактах», «Инопланетянина» и сериале «Звездный путь», то есть на идее, что другие заявятся, чтобы освобо-

дить нас от самих себя. Больше не будет голода, не будет войн. Они уничтожат все очаги инфекций. Нам откроются секреты космоса.

– Неужели ты не понимаешь? Возможно, благодаря им мы совершим новый шаг в нашей эволюции. Огромный скачок в будущее. Грандиознейший скачок. – Папа положил руку мне на плечо. – Нам очень повезло, что мы дожили до этого события. – И после этой пылкой тирады он добавил, как будто объяснял мне, как починить тостер: – Кроме того, ядерная бомба не способна нанести вред в вакууме. Там не может быть ударной волны от взрыва.

– Значит, этот умник из телевизора нес хрень соба-чью?

– Следи за языком, Кэсси, – приструнил меня папа. – Умник имеет право на свое мнение. Это его личное мнение, не более того.

– А что, если он прав? Что, если эта штука, там наверху, вроде «Звезды смерти»?

– Преодолеть половину Вселенной только для того, чтобы взорвать нас всех? – Папа похлопал меня по коленке и улыбнулся.

Мама в кухне прибавила звук в телевизоре. Папа в гостиной довел громкость до уровня «двадцать семь».

– Согласна, но как же тогда эти межгалактические

орды, о которых ты рассказывал? – спросила я. – Может, они все-таки явились завоевать нас, загнать в резервации, поработить...

– Кэсси, – сказал папа, – если что-то может произойти, еще не факт, что оно произойдет. В любом случае сейчас мы можем только выдвигать предположения. Я, ты, этот парень. Никто не знает, ради чего они прилетели в такую даль. Так почему бы не предположить, что с благородной целью – спасти нас?

Через четыре месяца папа погиб.

Он ошибался в своих предположениях. И я ошибалась. И один из умнейших парней на планете тоже.

Целью иных не было наше спасение. Они не собирались поработить нас или загонять в резервации.

Они собирались нас уничтожить.

Всех до одного.

6

Я долго решала, когда идти – в светлое или темное время суток. Если не хочешь столкнуться с иными, лучше идти ночью. Но если хочешь заметить дрон раньше, чем он заметит тебя, то лучше передвигаться днем.

Дроны появились под конец Третьей волны. Тускло-серые сигарообразные летательные аппараты беззвучно скользили в тысяче футов над землей. Иногда они проносились без задержки, иногда кружили, как грифы. Они могли менять угол полета и внезапно останавливаться, в секунду сбрасывая сверхзвуковую скорость до нуля. Так мы поняли, что они инопланетного происхождения.

А то, что они беспилотные, мы поняли, когда один из них разбился в двух милях от нашего лагеря. Он прорвал звуковой барьер и с пронзительным визгом спикировал. Когда он врезался в невозделанное кукурузное поле – бу-бумс! – земля вздрогнула у нас под ногами. К месту катастрофы отправилась разведгруппа. Ну ладно, не группа, мой папа и Хатчфилд, парень, который был в нашем лагере за главного. Вернувшись, они сообщили, что эта летающая штука пуста. Откуда такая уверенность? Пилот ведь мог ката-

пультроваться. Папа сказал, что аппарат набит всякими приборами, там просто нет места для пилота.

– Если только они не два дюйма ростом, – сказал он нам.

Все посмеялись всласть. Почему-то мысль о том, что иные похожи на двухдюймовых Добываек², делала ужас менее ужасным.

Я решила, что буду идти днем. Одним глазом поглядывать на небо, а другим на землю. И я на ходу мотала головой во все стороны, как фанатка на рок-концерте, пока меня не затошнило.

К тому же беспилотники не единственная опасность, которая грозит при передвижении в ночное время. Еще есть одичавшие собаки, койоты, медведи и волки, которые пришли со стороны Канады, может, даже сбежавший из зоопарка лев или тигр.

И я действительно считаю, что при столкновении с иными днем у меня будет больше шансов, пусть и ненамного. Или даже при столкновении с человеком, если кроме меня кто-то еще остался. Я ведь могу наткнуться на уцелевшего соплеменника, который решит расправиться со мной так же, как кто-то расправился с тем солдатом.

---

² *Добывайки* – крошечные человечки, которые живут рядом с обычными людьми, герои телефильма по мотивам одноименного романа Мэри Нортон.

Это ставит передо мной вопрос выбора лучшего способа действий. Стрелять без предупреждения? Или ждать, когда противник сделает первый ход, который вполне может оказаться смертоносным? Я уже не в первый раз чертыхаюсь из-за того, что мы до появления пришельцев не разработали какой-нибудь пароль – тайное рукопожатие или что-нибудь в этом роде, что помогло бы хорошим ребятам узнавать друг друга. Мы не имели возможности предугадать точную дату появления инопланетян, но разве не допускали, что подобное рано или поздно случится?

Трудно готовиться к чему-то, когда это что-то совсем не то, к чему ты готовишься.

Постараюсь засечь их первой, решила я. Надо прятаться. – Не лезть на рожон. Больше никаких солдат с распятиями!

День выдался солнечный и безветренный, но холодный. На небе ни облачка. Я иду, вращая головой, рюкзак бьет по лопатке, а винтовка по второй. Я шагаю по внешнему краю разделительной полосы между полосами южного и северного направления, останавливаюсь через каждые несколько шагов и резко оборачиваюсь узнать, что происходит за спиной. Так продолжается час, второй, а я прошла не больше мили.

Брошенные машины, пробки из мятой жести, стеклянное крошево, сверкающие под октябрьским солн-

цем, разбросанный по разделительной полосе мусор. Горы мусора заросли травой, полоса сплошь в буграх. Все это ужасно, самое ужасное – тишина. От этой тишины у меня мурашки бегают по коже.

Гул исчез.

Вы знаете, что такое Гул.

Если вы не выросли в горах или не прожили всю свою жизнь в пещере, он всегда был с вами. Это был океан, где мы все плавали. Несмолкающий звук всех устройств, которые мы создали, чтобы наша жизнь стала легче и немного веселее. Механическая песня. Электронная симфония. Гул всех наших вещей, Гул нас самих. Его больше нет.

Наступила тишина, которая была звуком Земли до того, как мы ее завоевали.

Иногда поздно ночью я лежу в палатке и будто слышу, как звезды скребут по небу. Вот такая это тишина. Она становится невыносимой. Хочется вопить во все горло. Хочется петь, орать, стучать ногами, хлопать в ладоши – что угодно, лишь бы как-то обозначить свое присутствие в этом мире. Разговаривая с тем солдатом, я впервые за пару месяцев произнесла вслух несколько фраз.

Гул исчез на десятый день после Прибытия. Я сидела на третьем уроке и набирала смс-сообщение для Лизбет. Это была моя последняя эсэмэска, я не пом-

ню точно, что писала.

Ранняя весна. Одиннадцать часов. Теплый солнечный день. В такой день хочется валять дурака, мечтать, находиться где угодно, только не на уроке математики у миссис Полсон.

Первая волна накатила без предупреждения. Никаких фанфар. Ничего драматичного. Не было ни шока, ни трепета.

Просто выключился свет.

Лампы под потолком в классе погасли.

Экран моего сотового стал черным.

Кто-то на задней парте взвизгнул. Классика жанра. В какое бы время суток это ни происходило, всегда найдется трус и завизжит, будто дом рушится.

Миссис Полсон велела нам оставаться на своих местах. Так всегда поступают взрослые, когда отключается электричество. Они начинают нервничать... Из-за чего? В этом есть что-то противоестественное. Мы настолько привыкли к электричеству, что совершенно теряемся, когда оно пропадает. Поэтому подскакиваем на месте, визжим или несем всякую чушь. Мы паникуем. Как будто нам перекрыли кислород. Хотя надо сказать, что Прибытие усугубило эффект отключения электричества. Когда десять дней сидишь как на иголках и ждешь, что произойдет, а ничего не происходит, у тебя сдают нервы.

Поэтому, когда иные «выдернули вилку из розетки», мы психанули не на шутку.

Разом загомонил весь класс. После того как я объявила, что у меня сдох телефон, выяснилось, что телефоны сдохли у всех. Нил Кроски, который весь урок слушал айпод на задней парте, вытащил наушники из ушей и спросил, куда делась музыка.

Следующее, что делает человек, когда вырубается электричество, – он подбегает к окну. Я не знаю точно почему. Наверное, это такой эмоциональный толчок под названием «надо посмотреть, что происходит». Мир проникает внутрь снаружи. Поэтому, когда отключается свет, мы смотрим наружу.

Миссис Полсон бродила за спинами столпившихся возле окон учеников и взывала:

– Успокойтесь! Вернитесь на свои места. Я уверена, сейчас будет сделано объявление...

И спустя минуту оно было сделано. Только не по системе голосового оповещения и не в исполнении заместителя директора мистера Фолкса. Оно пришло с неба, от иных, и имело форму «Боинга-727». Самолет кувырком полетел к земле с высоты десять тысяч футов, потом исчез за лесом и взорвался. С места падения взмыл похожий на атомный гриб огненный шар.

«Привет, земляне! Вечеринка начинается!»

Вы можете подумать, что после этого «объявле-

ния» мы все попрятались под парты, но этого не произошло. Мы сгрудились возле окон, высматривая в небе летающую тарелку, которая сбила самолет. Это ведь должна была сделать летающая тарелка, как же иначе? Мы знали, как проходит вторжение высшего уровня. Летающие тарелки стремительно врываются в атмосферу Земли, эскадрильи F-16 устремляются в небо, локаторы и ракеты «земля – воздух» выполняют из своих бункеров. Признаю наш интерес противоестественным и нездоровым, но мы хотели увидеть что-то вроде этого. Тогда все происходящее было бы совершенно нормальным вторжением инопланетян.

Около получаса мы стояли у окон и ждали. Почти никто не разговаривал. Миссис Полсон просила нас рассесться по местам, но мы не обращали на нее внимания. Всего тридцать минут Первой волны, а общественный порядок уже нарушен. Ученики продолжали проверять свои телефоны. Крушение самолета, отключение света, неработающие мобильники, часы на стене с замершими на одиннадцати стрелками – мы не были способны сложить все эти детали в одну картинку.

Потом дверь распахнулась, и мистер Фолкс приказал нам идти в спортзал. Я подумала, что это просто гениальное решение. Собрать всю школу в одном месте, чтобы пришельцы не тратили зря боеприпасы.

Итак, мы все передислоцировались в спортзал и расселись там, почти в полной темноте, на трибунах. Директор ходил туда-сюда с мегафоном в руке, то и дело останавливался и громко призывал подопечных вести себя тихо и ждать, когда нас заберут родители.

А как же старшеклассники, чьи машины припаркованы возле школы? Им можно уйти?

– Ваши машины не заведутся.

Что за черт? Как это понимать – наши машины не заведутся?

Прошел час, второй. Я сидела рядом с Лизбет. Мы почти не разговаривали, а если и говорили, то шепотом. Мы не боялись мегафона, мы прислушивались. Не могу сказать, что именно ожидали услышать. Это было похоже на тишину, которая наступает перед тем, как тучи разойдутся и грянет гром.

– Похоже, дождались, – шепотом сказала Лизбет.

Она нервно терла нос, запускала пальцы с ярким маникюром в крашенные светлые волосы и притоптывала ногой. – Еще Лизбет закрывала глаза и трогала веки – не успела привыкнуть к контактным линзам.

– Что-то случилось, точно, – шепотом согласилась я.

– Не что-то, а самые настоящие кранты.

Лизбет снова и снова вынимала батарейку из своего телефона и вставляла обратно. Думаю, ей надо

было чем-то себя занять.

Потом она заплакала. Я отобрала телефон и взяла ее за руку. Огляделась. Плакала не только Лизбет. Некоторые дети молились. Кто-то молился и плакал одновременно. Учителя сгруппировались возле дверей, образовав живой щит на случай, если инопланетяне решат атаковать спортзал.

– Я так много хотела сделать, – лепетала Лизбет. – Я даже никогда... – Тут она снова разревелась. – Ну, ты понимаешь, о чем я.

– У меня такое чувство, что прямо сейчас происходит «ты понимаешь, о чем я», причем массово, – сказала я. – Возможно, даже под этой трибуной.

– Думаешь? – Лизбет вытерла ладонью щеки. – А ты?

– Ты про «ты понимаешь, о чем я»?

Я без проблем говорила о сексе. Проблемы возникали, когда разговор заходил о сексе в моей жизни.

– О, я же знаю, что у тебя не было «ты понимаешь». Господи! Я говорила не об этом.

– А я думала об этом.

– Я говорила о нашей жизни, Кэсси! Приходит конец долбаному миру, и все, о чем ты хочешь говорить, – это секс!

Лизбет вырвала у меня свой телефон и стала открывать и закрывать крышку.

– Поэтому ты должна пойти и во всем ему признаться, – заявила Лизбет и принялась теревить шнурки от капюшона толстовки.

– Кому и в чем признаться?

Я понимала, к чему она клонит; я просто тянула время.

– Бену! Ты должна поговорить с ним напрямик. Расскажи, что ты чувствуешь к нему еще с третьего класса.

– Шутишь? – Я поняла, что у меня загорелись щеки.

– А потом у вас должен быть секс.

– Заткнись, Лизбет.

– Это же правда.

– Я с третьего класса не хочу заниматься сексом с Беном, – шепотом сказала я.

С третьего класса? Я глянула на Лизбет – слушает ли меня. Она явно не слушала.

– На твоем месте я бы сейчас подошла к нему и сказала: «Похоже, это кранты. Это самые настоящие кранты, и я не собираюсь погибать в чертовом спортзале, даже не попробовав секс с тобой». А потом, знаешь, что бы я сделала?

– Что?

Я представила себе лицо Бена в такой ситуации и изо всех сил постаралась не рассмеяться.

– Я бы отвела его в оранжерею и занялась с ним

сексом.

– В оранжерее?

– Или в раздевалке. – Лизбет резко взмахнула рукой, как будто хотела очертить этим жестом всю школу или, может быть, весь мир. – Не важно где.

– В раздевалке воняет. – Я посмотрела на великолепный контур головы Бена, сидевшего на два яруса ниже нас, и сказала: – Такое только в кино бывает.

– Ага, абсолютно нереалистично. То, что сейчас происходит, куда реалистичнее.

Лизбет была права. Вторжение инопланетян на Землю и вторжение Бена в меня – оба сценария абсолютно нереалистичны.

– По крайней мере, ты могла бы признаться ему в своих чувствах, – сказала Лизбет, словно прочитав мои мысли.

Могла бы, да. Может быть, когда-нибудь...

Это был последний раз, когда я видела Бена Пэрриша – в душном спортзале (дом «Хоксов!») он сидел на два яруса ниже, и видела я только его затылок. Скорее всего, он, как все остальные, погиб во время Третьей волны. Я так и не призналась ему в своих чувствах. А могла бы. Бен знал, кто я, он сидел позади меня на некоторых занятиях.

Вряд ли он вспомнил бы, что в средних классах мы ездили в одном школьном автобусе. Однажды я под-

слушала его рассказ о том, как у него накануне родилась сестричка. Я тогда повернулась к нему и сообщила:

– А у меня на прошлой неделе братик родился!

И он сказал:

– Что ты говоришь!

Без всякой насмешки сказал, как будто и правда считал, что это здоровское совпадение. Потом я еще с месяц думала о том, что благодаря нашим малышам между нами установилась особенная связь. А в средней школе Бен стал звездой, лучшим принимающим в команде, я же превратилась в обыкновенную девочку, которая смотрит с трибуны, как он набирает очки. Я встречала его в классе и в школьных коридорах, иногда еле сдерживалась, чтобы не подбежать и не сказать: «Привет, я Кэсси, та девочка из автобуса. Ты помнишь про малышей?»

Забавно то, что он вполне мог помнить. Бен Пэриш не удовлетворился тем, что был самым красивым мальчиком в школе. Как будто специально, чтобы мучить меня еще сильнее, он стремился стать самым умным. Я говорила, что он любил животных и детей? Каждую игру его сестра сидела на скамейке у кромки поля. Когда они выиграли титул чемпионов округа, он сразу подбежал к ней, усадил себе на плечи и сделал круг по беговой дорожке, а она махала толпе рукой,

как вернувшаяся домой королева.

Да, еще одно – его убийственная улыбка. Лучше бы мне забыть ее.

Мы провели еще час в душном спортзале, и в дверях появился папа. Он спокойно махнул рукой, как будто имел обыкновение приезжать за мной в школу после каждой атаки инопланетян. Я обняла Лизбет и сказала, что позвоню, как только включатся телефоны. У меня все еще было до-Гуловое мышление. Электричество, бывает, вырубается, но оно всегда включается снова. Поэтому я просто обняла Лизбет за плечи. И даже не помню, сказала ли тогда, что люблю ее.

Мы с папой пошли к выходу из школы, и я спросила:
– Где наша машина?

И папа сказал, что машина не заводится. Все машины не заводились. Улицы были забиты остановившимися легковушками, автобусами, мотоциклами и грузовиками. В каждом квартале случилась авария. Машины «целовались» с фонарными столбами, их «морды» торчали из гаражей. После электромагнитного импульса автоматические замки не срабатывали, и люди сидели запертые в своих тачках. Им оставалось либо разбивать окна, либо ждать помощи снаружи. Пострадавшие в авариях, те, кто мог двигаться, доползали до тротуара и ждали врачей. Только врачи не

приезжали, потому что машины «скорой помощи», пожарные и полицейские машины тоже не заводились. Все, что питалось от аккумуляторов или от электросети, перестало работать ровно в одиннадцать часов утра.

Мы шли пешком, и папа крепко держал меня за руку, словно боялся, что с неба может спикировать нечто и похитить меня.

– Ничего не работает, – говорил он на ходу. – Электричество, телефоны, водопровод...

– Мы видели, как самолет разбился.

Папа кивнул:

– Наверняка они все разбились. Все, что было в небе, он вывел из строя. Истребители, вертолеты, транспортные самолеты...

– Кто их поразил?

– ЭМИ, – сказал папа. – Электромагнитный импульс. Если сгенерировать достаточно мощный ЭМИ, можно вывести из строя всю технику. Электричество, связь, транспорт. Все, что летает и движется.

От нашего дома до школы полторы мили пути. Это были самые долгие полторы мили в моей жизни. Казалось, все укрыл некий занавес, и на этом занавесе был рисунок, изображающий то, что он скрывал. Иногда за ним что-то мелькало, такие маленькие подсказки, по которым можно было догадаться, что все очень

плохо. Например, люди. Они стояли на порогах своих домов с сотовыми телефонами в руках, они смотрели в небо или открывали капоты машин и теребили провода. Потому что именно это и делают люди, когда у них ломаются машины, – они теребят провода под капотом.

– Но волноваться не стоит, – сказал папа и еще крепче сжал мою руку. – Все нормально. Есть хороший шанс, что наши резервные системы не пострадали, и я уверен, у правительства есть план на случай чрезвычайных ситуаций, защищенные базы и прочее.

– Папа, а как отключение электричества согласуется с их планом помочь нам на следующем этапе эволюции? – спросила я и сразу пожалела об этом.

Но я тогда слишком переволновалась, и папа все правильно понял. Он посмотрел на меня, улыбнулся ободряюще и сказал:

– Все будет хорошо.

Это были слова, которые я хотела услышать, а папа хотел сказать. Это то, что ты делаешь, когда падает занавес, – подаешь реплику, которую хочет услышать зритель.

Я в пути. Моя задача – сдержать обещание.

Около полудня я останавливаюсь, чтобы утолить жажду и съесть полоску «Слим Джим». Всякий раз, когда съедаю «Слим Джим», или банку сардин, или еще что-то из припасов, я думаю: «Ну вот, в мире стало на одну такую штуку меньше». Я по кусочку уничтожаю конкретное свидетельство нашего существования на этой планете.

Я решила, что однажды мне все-таки придется собрать волю в кулак, поймать курицу и свернуть ей нежную шею. Я бы и человека убила за чизбургер. Честно. Если наткнусь на того, кто ест чизбургер, я его прикончу.

Вокруг бродит много коров. Можно пристрелить одну и разделать охотничьим ножом. Уверена, что смогу зарезать корову. Вся проблема в готовке. Костер – верный способ пригласить иных на барбекю.

По траве прямо передо мной проносится тень. Я скидываю голову и больно ударяюсь затылком о борт «хонды-цивик», возле которой присела, чтобы перекусить. Птица, скорее всего чайка. Пролетела надо мной на распластанных крыльях. От отвращения меня даже в дрожь бросает. Ненавижу птиц. До При-

бытия я ничего подобного к ним не испытывала. И после Первой волны тоже. И после Второй, которая на самом деле не нанесла мне лично особого вреда.

Но после Третьей волны я их возненавидела. Понимаю, они не виноваты, но ничего не могу с собой поделать. Так человек, стоящий перед расстрельным взводом, ненавидит пули.

Мерзкие птицы!

Проведя в пути три дня, я решаю, что машины – это вьючные животные.

Они передвигаются группами. Умирают сообщая, сгрудившись при авариях или выстроившись в длинную вереницу. И вдруг вереница заканчивается. Впереди пустая на мили дорога. Есть только я и асфальтовая река между берегами из голых деревьев. Последние листья отчаянно цепляются за черные ветки. Дорога, чистое небо, высокая пожухлая трава и я.

Эти участки пути самые опасные. Машины – мой щит и кров. Я сплю в уцелевших, а запертые еще не попадались. Правда, сном это трудно назвать. Воздух спертый, дышать нечем, окно разбить нельзя, дверцу нельзя оставить открытой. Голод не отступает, и мучают ночные мысли: «Одна, одна, одна». А самая худшая из плохих мыслей такова: я не конструировала беспилотники иных, но если бы конструировала, на борту обязательно стоял бы датчик, чтобы улавливать тепло живого существа через крышу автомобиля.

Эта мысль непобедима. Едва начинаю задремывать, мерещится, будто распахиваются дверцы и ко мне тянутся десятки нечеловеческих рук. Встряхиваясь, на ощупь нахожу М-16 и выглядываю из-за зад-

него сиденья, потом делаю оборот на триста шестьдесят градусов; при этом я чувствую себя в ловушке, потому что окна запотели и снаружи почти ничего не видно.

Приближается рассвет. Я жду, когда рассеется туман, потом пью немного воды, чищу зубы, дважды проверяю свое оружие, оцениваю оставшиеся припасы и снова – в дорогу. Смотрю в небо, смотрю под ноги, оглядываюсь. Хочется пить. К городу не приближаться, только при чрезвычайных обстоятельствах.

Причин, чтобы держаться подальше от городов, много.

Знаете, как определить, что город уже недалеко? По запаху. Запах города разносится на много миль вокруг.

Запах гари. Вонь нечистот. И запах смерти.

В городе трудно пройти два шага и не наткнуться на труп. Забавно: люди тоже умирают кучно.

Запах Цинциннати я чую еще за милю до знака выезда из города. Густой столб дыма лениво поднимается к безоблачному небу.

Цинциннати горит.

Меня это не удивляет. После Третьей волны пожары – самое распространенное явление, если не считать трупы. Чтобы выгорело десять кварталов, достаточно одной молнии. В городах не осталось никого,

кто стал бы тушить огонь.

У меня слезятся глаза. От вони Цинциннати рвота подкатывает к горлу. Я останавливаюсь ровно на столько, чтобы повязать платок вокруг рта и носа, а потом ускоряю шаг. У меня дурное предчувствие. В голове звучит древний голос: «Быстрее, Кэсси. Поторопись».

А потом, где-то между семнадцатым и восемнадцатым выездами, я натываюсь на тела.

Их три, лежат на разделительной полосе, но не кучно, как бывает в городах, а на некотором расстоянии друг от друга. Первый – мужчина; думаю, он одного возраста с моим папой; на нем синие джинсы и тренировочная куртка «Бенгалс». Мужчина лежит лицом вниз, руки раскинуты. Его убили выстрелом в затылок.

Второй труп примерно в десятке футов от первого. Это молодая женщина, она ненамного старше меня, на ней штаны от мужской пижамы и бюстгальтер «Викториас сикрет». В коротких волосах фиолетовая прядь. На указательном пальце левой руки печатка с черепом. Ногти покрашены черным лаком, грубо обкусаны. И у нее пулевое отверстие в затылке.

Еще несколько футов по разделительной полосе – и третий мертвец. Это мальчик лет одиннадцати-двенадцати, в спортивной фуфайке и кедах с высоким верхом. Понять, каким было прежде его лицо, практически невозможно.

Я отворачиваюсь от мальчика и возвращаюсь к женщине. Опускаюсь на колени в пожухлой траве рядом с ее телом и дотрагиваюсь до бледной шеи. Еще теплая.

«О, нет. Нет, нет, нет».

Трусцой подбегаю к первому трупу. Трогаю за руку. Смотрю на рану. Блестит на солнце. Влажная.

Я замираю на месте. У меня за спиной дорога, впереди тоже дорога. Справа деревья и слева деревья. Столкнувшиеся машины на полосах южного направления, ближайшие футах в ста от меня. Что-то подсказывает мне, что надо посмотреть наверх. Прямо над собой.

Тусклое серое пятнышко на фоне ослепительно-синего осеннего неба.

Не двигается.

«Привет, Кэсси. Я мистер Дрон. Рад знакомству!»

В ту секунду, когда я встаю, что-то бьет меня в ногу. Обжигающий удар над коленом. Я теряю равновесие и приземляюсь на зад. Промедли я долю секунды, и в затылке появилась бы дырка точь-в-точь как у мистера Бенгалс.

Выстрел я не слышала. Холодный ветер, собственное горячее дыхание под платком и шум крови в ушах – вот все, что предшествовало удару пули.

Глушитель.

Похоже на то. Конечно, почему бы им не пользоваться глушителями. Вот и появилось у меня идеально подходящее для них название – глушители. Годится для описания способа их действий.

Когда смотришь в лицо смерти, происходит некая

замена. Передняя часть мозга уступает командное место древнейшей части твоего сознания, следящей за тем, чтобы твое сердце билось, легкие дышали, а глаза моргали. Природа создала эту часть первой, чтобы уберечь твой зад от опасности. И эта часть растягивает время, как гигантскую ириску, она превращает секунды в часы, а минуты делает длиннее летнего дня.

Я тянусь за винтовкой (уронила ее, когда пуля попала в цель), земля передо мной взрывается и осыпает меня гравием.

Хорошо, о винтовке забудем.

Я выхватываю из-за пояса «люгер» и бегу, приволакивая раненую ногу, к ближайшей машине. Боли почти не чувствую, но догадываюсь, что скоро очень близко с ней познакомлюсь, зато к тому времени, когда допрыгиваю до старого «бьюика», чувствую, что кровь пропитала джинсы.

Я ныряю за «бьюик», и в эту секунду заднее стекло разлетается вдребезги. Лежа на спине, проскальзываю под машину. С какой стороны ни посмотреть, я девчонка небольшая, но под этим седаном мне тесно, невозможно перевернуться на живот или лечь на бок в том случае, если враг появится с левой стороны.

Лежу, как в тисках.

Умно, Кэсси, очень умно. Только «отлично» в про-

шлом семестре? В списке умников? Мо-ло-дец.

Оставалась бы ты лучше на своем клочке леса, в своей палатке-невеличке, со своими книжонками и сувенирчиками. Там по крайней мере было бы куда бежать при появлении иных.

Проходят минуты. Я лежу на спине, и моя кровь растекается по холодному бетону. Поворачиваю голову вправо, потом влево, потом приподнимаю ее на дюйм и смотрю мимо своих ног и задних колес «бьюика».

Черт, где же он? Чего тянет?

А потом до меня доходит: он стрелял из мощной снайперской винтовки. Наверняка это так. Значит, при этом мог быть в полумиле от меня.

А еще это значит, что у меня в распоряжении больше времени, чем я думала сначала. Есть время придумать что-то, а не просто пускать сопли в попытке прочитать связную молитву.

«Сделай так, чтобы он ушел. Пусть он все сделает быстро. Не дай мне погибнуть. Дай ему закончить начатое...»

Меня колотит, я взмокла от пота, мне холодно.

«У тебя сейчас будет шок. Думай, Кэсси».

Думать.

Вот для чего мы существуем на этом свете. Вот почему мы здесь. Вот по какой причине я спряталась под

«бьюиком». Мы люди.

А люди думают. Планируют. Мечтают и делают свои мечты реальностью.

«Сделай это реальностью, Кэсси».

Он не сможет добраться до меня, пока не ляжет на бетон... А когда ляжет... когда заглянет под машину... когда дотянется до моей ноги и потащит наружу...

Нет. Он слишком умен, чтобы так поступить. Он должен понимать, что я могу быть вооружена. Он не станет так рисковать. Глушителей не волнует смертельный риск... или волнует? Знают они, что такое страх, или нет? Они не любят жизнь, я видела достаточно доказательств этому. Но может, они любят свою жизнь больше, чем чужую смерть?

Время все тянется и тянется. Минуты, как времена года. Чем он там занимается?

Теперь такой мир – или да, или нет. Либо он придет, чтобы покончить со мной, либо не придет. Но должен же он закончить начатое? Для чего еще он здесь? Черт, разве не в этом все дело?

Или – или. Или я бегу, то есть прыгаю, ползу, перекатываюсь, или остаюсь под машиной и умираю от потери крови. Если я рискну бежать, я превращусь в легкую мишень. Я и на два фута не уйду от машины. Если останусь, результат тот же, только будет больше страха, больше боли и все будет происходить гораздо

медленнее.

У меня перед глазами вспыхивают и танцуют черные звезды. Мне не хватает воздуха.

Я поднимаю левую руку и сдергиваю платок с лица.
Платок.

«Кэсси, ты идиотка».

Я кладу пистолет рядом с собой. Это самое трудное – расстаться с оружием.

Потом я приподнимаю раненую ногу и протягиваю под ней платок. Я не могу поднять голову достаточно высоко, чтобы увидеть, что делаю. Я смотрю сквозь узор из черных звезд на грязное брюхо «бьюика», перехлестываю концы платка и туго завязываю его на ноге. Затем тянусь к ране и ощупываю ее. Кровь идет, но уже не так сильно.

Я снова беру пистолет. Так-то лучше – вижу лучше, и мне уже не очень холодно. Сдвигаюсь на пару дюймов влево – кому приятно лежать в собственной крови.

Где он? У него было достаточно времени, чтобы добраться до меня...

Если только он уже не добрался.

Меня аж подбрасывает от этой мысли, на несколько секунд я забываю дышать.

Он сюда не придет. Не придет, потому что ему незачем сюда приходить. Он знает, что у тебя не хватит ду-

ху высунуться из-под машины. А если не выберешься отсюда и не побежишь, ты проиграла. Он знает, что ты умрешь от голода, от потери крови или от обезвоживания.

Он знает то, что знаешь ты: побежишь – умрешь, будешь лежать – умрешь.

Его ждет следующая жертва.

Если кто-то еще остался.

Если остался кто-то, кроме меня.

Давай же, Кэсси! За пять месяцев от семи миллиардов до одного человека? Ты не последняя, и даже если ты последняя на Земле, особенно если ты последняя, ты не можешь позволить, чтобы все так закончилось. Лежать, забившись под какой-то чертов «бьюик», и ждать, когда из тебя по капле вытечет вся кровь? Так человечество уходит из этого мира?

Черта с два.

Первая волна унесла полмиллиона жизней.

Вторая сделала эту цифру смешной.

Если вы не в курсе, мы живем на беспокойной планете. Континенты и ложа океанов представляют собой массивы горной породы, которые называются литосферными плитами. Эти плиты плавают на расплавленной магме, и постоянно трутся, и скребутся, и давят друг на друга с невероятной силой. Давление все нарастает, и вдруг соприкасающиеся края плит резко смещаются, высвобождая при этом чудовищную энергию в форме землетрясения. Если землетрясение случается в зоне субдукции, этом поясе, где океаническая кора подминается под континентальную, ударная волна землетрясения может породить морскую сверхволну, которая называется цунами.

Более сорока процентов населения Земли (а это три миллиарда человек) живет на береговой полосе шириной шестьдесят миль.

Поэтому иным, чтобы уничтожить эти сорок процентов, надо было всего лишь вызвать землетрясение.

Взять металлический стержень в два раза выше и в три раза тяжелее Эмпайр-стейт-билдинг. Расположить этот стержень в верхних слоях атмосферы над

зоной субдукции и отпустить. Тут даже не нужна система наведения, просто роняешь стержень, и он летит вниз. Благодаря гравитации к тому моменту, когда он достигнет поверхности Земли, его скорость разовьется до двенадцати миль в секунду, а это в двадцать раз быстрее пули.

Мощность удара этого стержня о поверхность Земли будет в миллиард раз больше, чем мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Прощай, Нью-Йорк. Прощай, Сидней. Прощайте, Калифорния, Вашингтон, Орегон, Аляска, Британская Колумбия. Прощай, Восточное побережье.

Япония, Гонконг, Лондон, Рим, Рио, пока-пока.

Приятно было познакомиться. Надеемся, вам здесь понравилось!

Первая волна накатила и схлынула за считанные секунды.

Вторая длилась чуть дольше. Примерно день.

Третья волна? Этой понадобилось больше времени – двенадцать недель. Двенадцать недель на то, чтобы убить, по подсчетам папы, девяносто семь процентов от тех, кому повезло пережить две первые волны.

Девяносто семь процентов от четырех миллиардов? Сами считайте.

Вот когда пришельцы спускаются на своих летаю-

щих блюдах и приступают к зачистке, правильно? А люди Земли объединяются под одним флагом, чтобы разыграть сценку «Давид против Голиафа». Наши танки против ваших лазерных пушек. Начали!

Нам повезло меньше.

А иные оказались далеко не дураками.

Как уничтожить около четырех миллиардов человек за четыре месяца?

Птицы.

Сколько птиц на Земле? Будете гадать? Миллион? Миллиард? А триста миллиардов не хотите? Это примерно семьдесят пять на мужчину, или женщину, или ребенка, которых не уничтожили две первые волны.

На каждом континенте тысячи видов пернатых. Птицы не знают границ. А еще они постоянно гадают. Они гадают пять-шесть раз в день. То есть с неба каждый божий день падает больше триллиона маленьких реактивных снарядов.

Трудно изобрести более эффективную систему распространения вируса с процентом смертоносности девяносто семь.

Папа предположил, что иные взяли что-то вроде заирского вируса Эбола и внесли в него генетические изменения. Эбола не передается воздушно-капельным путем. Но если изменить всего один полипептид, этот вирус станет передаваться по воздуху, как грипп.

Он поселяется в легких. У вас начинается кашель. Потом лихорадка. Болит голова. Очень сильно болит. Вы кашляете зараженной вирусом кровью. Он пробирается в печень, почки, мозг. Внутри вас накапливается миллиард патогенов, вы превращаетесь в инфекционную бомбу. И однажды вы «взрываетесь» – вирусы, как крысы с тонущего корабля, бегут через каждое отверстие в вашем теле. Через рот, нос, уши, анус, даже глаза. Вы буквально плачете кровавыми слезами.

Люди придумали разные названия для этого – «красная смерть», «кровавая чума», «багряное цунами», «четвертый всадник». Как ни назови, спустя три месяца девяносто семь человек из каждой сотни умерли.

Это реки кровавых слез.

Время обратилось вспять. Первая волна отбросила нас в восемнадцатый век. Следующая – в неолит.

Мы превратились в охотников-собирателей. Стали кочевниками, подножием пирамиды.

Но мы не были готовы расстаться с надеждой.

Нас еще было достаточно, чтобы оказать сопротивление.

Мы не могли драться с иными лицом к лицу, но могли начать партизанскую войну. Могли нанести этим чужепланетным мерзавцам асимметричный удар. У нас было достаточно оружия и боеприпасов, даже

кое-какой транспорт уцелел после Первой волны. Наши вооруженные силы подверглись децимации, но на каждом континенте еще оставались боеспособные соединения. Сохранились бункеры, пещеры, подземные базы, где можно укрываться годами.

«Вы будете Америкой, а мы будем Вьетнамом».

И иные ответили: «Что ж, отлично».

Мы думали, что они уже использовали против нас все, чем располагали, ну, по крайней мере, самое худшее из своего арсенала. Трудно вообразить что-то хуже «красной смерти». Те из нас, кто выжил после Третьей волны, – те, у кого был природный иммунитет к этому вирусу, – запаслись самым необходимым и затаились, дожидаясь указаний от командования. Мы знали, что должно быть какое-то командование, потому что иногда видели, как в небе проносился истребитель, слышали пальбу и рокот транспортных самолетов.

Думаю, нашей семье повезло больше других. «Четвертый всадник» забрал маму, но Сэмми, я и папа уцелели. Папа гордился нашими генами. Нездоровое занятие, пожалуй, – хвастать генами на вершине горы из семи миллиардов трупов. Но папа просто оставался папой, в канун исчезновения человечества он пытался делать хорошую мину при плохой игре.

После «багряного цунами» люди стали уходить из

городов. Там больше не подавались электричество и вода, все магазины и склады давно были разграблены, а некоторые улицы на дюйм залиты нечистотами. Пожары от молний стали обычным делом.

И возникла проблема с трупами.

Трупы были повсюду: в жилых домах, приютах, больницах, офисах, школах, церквях, на складах.

Наступает момент, когда количество смертей доходит до критического. Вы уже просто не успеваете хоронить или сжигать тела. Лето эпидемии было немилосердно жарким, вонь разлагающейся плоти висела подобно невидимому ядовитому туману. Мы смачивали куски ткани в духах или одеколоне и повязывали на лицо, но к концу дня чудовищный смрад пропитывал надушенную повязку и вызывал рвоту.

Так было до тех пор, пока, смешно сказать, мы к этому не привыкли.

Третью волну мы ждали, забаррикадившись в собственном доме. Во-первых, был карантин; во-вторых, по улицам бродили опасные личности, которые грабили, жгли дома, насиловали и убивали; и в-третьих, мы даже думать боялись о том, что обрушится на нас после цунами.

Но главное – это то, что папа не хотел оставлять маму. Она была слишком больна и дорогу не выдержала бы, а папа не хотел уходить без нее.

Мама просила его уйти из города. Она все равно умирала. Говорила ему, что дело уже не в ней, а во мне и Сэмми. Говорила, что надо спасать детей, надо думать о будущем, и есть надежда, что завтра будет лучше, чем сегодня.

Папа с ней не спорил. Но он и не уходил. Папа ждал неизбежного и старался облегчить маме последние дни. Он изучал карты, составлял списки и делал припасы. Это была пора сбора книг, старт программы «Нам предстоит возродить цивилизацию». Однажды вечером, когда небо не было сплошь затянуто дымом, мы с папой вышли на задний двор и по очереди посмотрели в мой старый телескоп на корабль-носитель, который величественно плыл на фоне Млечного Пути. Звезды светили ярче, чем раньше, им больше не мешали огни наших городов.

– Почему они ничего не делают? – спросила я папу. Я еще ждала (как и все остальные), когда появятся летающие блюдца, роботы-солдаты и лазерные пушки. – Почему не закончат то, что начали?

Папа покачал головой:

– Не знаю, ягодка. Может, уже закончили. Может, они и не собираются нас всех убивать, а просто хотят уменьшить нашу численность до приемлемой для них.

– И что потом? Чего они хотят?

– Я думаю, правильнее было бы спросить: что им нужно, – ответил папа таким ровным голосом, как будто сообщал мне по-настоящему плохую новость. – Видишь ли, они действуют очень аккуратно.

– Аккуратно?

– Да, так, чтобы не нанести вред самому необходимому. Вот почему они здесь, Кэсси. Им нужна Земля.

– Но не мы, – прошептала я.

Я снова готова была сорваться (в миллионный раз).

Папа положил руку мне на плечо (в миллионный раз) и сказал:

– Что ж, у нас был шанс. Мы не очень хорошо распорядились доставшимся нам наследством. Готов поспорить, если бы могли вернуться назад во времени и порасспрашивать динозавров до падения астероида...

Тут я толкнула его со всей силы и убежала в дом.

Не знаю, где хуже, в доме или снаружи. Снаружи чувствуешь себя выставленной напоказ, не отступает чувство, будто за тобой постоянно наблюдают, ты голая под голым небом. А в доме постоянные сумерки. Заколоченные досками окна не пропускают дневной свет. Ночью мы зажигаем свечи, но запасы кончаются, и мы не можем тратить больше одной на комнату. В когда-то родных уголках теперь притаились зловещие тени.

– Что, Кэсси?

Это Сэмми. Ему пять лет. Я его обожаю. Большие карие, как у мишки, глаза. Крепко обнимает другого члена нашей семьи, тоже с карими глазами, того, игрушечного, которого я сейчас ношу в своем рюкзаке.

– Почему ты плачешь?

Мои слезы его испугали.

Я пробежала мимо него в комнату шестнадцатилетнего человеко-динозавра Кассиопея Салливанус экстинктус. А потом вернулась обратно. Я не могла оставить его, когда он плачет. После того как мама заболела, мы очень сблизились. Каждый раз, когда ему снился плохой сон, он прибежал ко мне в комнату, забирался в кровать и прижимался лицом к моей груди. Иногда он забывался и называл меня мамой.

– Ты видела их, Кэсси? Они уже здесь?

– Нет, малыш, – ответила я и утерла слезы. – Никого здесь нет.

Пока нет.

Мама умерла во вторник.

Папа похоронил ее на заднем дворе, в цветочной клумбе. Мама сама попросила его об этом перед смертью. На пике эпидемии, когда люди умирали сотнями каждый день, большинство тел оттаскивали на окраину и там сжигали. Вымирающие города были окружены кольцом из дыма погребальных костров.

Папа сказал мне, чтобы оставалась с братом. Сэмми, как двухлетний зомби, бродил по дому с потухшими глазами и сосал большой палец. Всего несколько месяцев назад мама качала его на качелях, водила на тренировки по карате, мыла ему голову, танцевала с ним под его любимые песенки. А теперь папа обернул ее в белую простыню и на плече вынес на задний двор.

Я смотрела в окно кухни, как папа стоит на коленях у неглубокой могилы. Голова опущена, плечи вздрагивают. Я не видела, чтобы он давал волю эмоциям, ни разу с момента Прибытия. Становилось все хуже и хуже, а стоило нам подумать, что хуже уже быть не может, становилось еще хуже. Но папа неизменно держал себя в руках, он никогда не срывался в истерику. Даже после того, как у мамы появились первые при-

знаки заражения, он сохранял спокойствие, особенно в ее присутствии. Он не говорил о том, что происходит за стенами нашего дома с заколоченными окнами и забаррикадированными дверями. Он делал ей влажные компрессы, купал, переодевал, кормил. Я ни разу не видела, чтобы он плакал при ней. Другие люди стрелялись, вешались, горстями глотали таблетки и бросались вниз с высоты, но папа противостоял мраку.

Он пел маме песенки, рассказывал дурацкие анекдоты, которые она слышала тысячу раз. И он ее обманывал, как родители обманывают детей. Такая ложь помогает заснуть, когда тебе страшно.

– Сегодня опять слышал самолет. По звуку, похоже, это был истребитель. Значит, кто-то из наших еще действует.

– Сегодня у тебя температура немного ниже и глаза яснее. Может, это все-таки самый банальный грипп.

В мамины последние часы он утирал с ее щек кровавые слезы.

Папа обнимал ее за плечи, когда ее рвало черным месивом, в которое превратился ее желудок.

Он привел нас с Сэмми в ее комнату попрощаться.

– Все хорошо, – сказала мама Сэмми. – Все будет хорошо.

А мне она сказала:

– Ты нужна ему, Кэсси. Позаботься о нем. Позаботься о своем отце.

Я сказала, что она поправится. Некоторые поправлялись. Заболевали, а потом вдруг вирус отступал. Никто не мог понять почему. Может, ему не нравился этот конкретный человек на вкус. Я тогда сказала это маме не потому, что хотела, чтобы она не боялась. Я правда в это верила.

– Кроме тебя, у них никого нет, – вздохнула мама. Это были ее последние слова, произнесенные при мне.

Мозг – последнее, что уносили воды «багряного цунами». Вирус целиком завладевал человеком. Некоторые люди впадали в безумие, они бросались на всех с кулаками, царапались, кусались, как будто вирусу не терпелось от нас избавиться.

Мама смотрела на папу и не узнавала его. Она не понимала, где она, кто она и что с ней происходит. С ее лица не сходила улыбка – потрескавшиеся губы растянулись, обнажив кровоточащие десны и зубы в пятнах крови. Она издавала какие-то звуки, но это были не слова. До участка ее мозга, который отвечал за речь, добрался вирус, и этот вирус не знал языков, он знал только, что ему надо все больше и больше места внутри человека.

А потом мама умерла. Она билась в конвульсиях,

кричала, захлебываясь кровью. А вирус выходил из нее через все отверстия, потому что с ней было покончено, пора гасить свет и подыскивать себе новый дом.

Папа обмыл маму в последний раз, причесал ей волосы, стер засохшую кровь с зубов. Когда пришел ко мне сказать, что мама умерла, он был спокоен. Сам держался и держал меня, потому что я уже не могла держаться.

И вот я смотрю на папу в окно кухни. Он стоит на коленях рядом с клумбой-могилкой и думает, что его никто не видит. Мой папа отпускает маму, обрывает нить, которая давала ему устойчивость, в то время как все остальные теряли опору и падали в бездну.

Я убедилась, что Сэмми в порядке, и вышла из дома. Присела рядом с папой и положила руку ему на плечо. В последний раз мое прикосновение к нему было жестче – я ударила кулаком. Я ничего ему не сказала, он тоже молчал, долго молчал.

А потом вложил что-то мне в руку. Обручальное кольцо мамы. Мол, мама хотела, чтобы кольцо было у меня.

– Мы уходим, Кэсси. Завтра утром.

Я кивнула. Понимала, что больше нет причин оставаться. Тонкие стебли роз раскачивались, словно кивали вместе со мной.

– Куда мы пойдём?

– Куда-нибудь. – Папа огляделся, и я увидела в его глазах страх. – Здесь больше не безопасно.

«Ну да, ну да, – подумала я. – А когда было безопасно?»-

– База ВВС Райт-Паттерсон всего в ста милях отсюда. Если поторопимся и погода не подведет, доберемся за пять-шесть дней.

– А потом что?

Вот такой способ мышления навязали нам иные. «Ладно, сейчас это, а потом что?»

Я смотрела на папу и ждала. Он был самым умным из всех, кого я знала. Если у него нет ответа, значит, нет ни у кого. Я была в этом уверена. И конечно, хотела, чтобы он знал ответ. Мне это было необходимо.

Папа покачал головой, как будто не понял вопроса.

– Что там, на этой базе? – спросила я.

– Понятия не имею.

Папа попытался улыбнуться, но в результате скривился, как будто улыбка причиняла ему боль.

– Тогда зачем туда идти?

– Мы не можем здесь оставаться, – ответил папа сквозь зубы. – А если нельзя оставаться, значит, надо уходить. Надеюсь, еще существует какое-никакое правительство...

Папа тряхнул головой. Он не для этого вышел из

дома, чтобы со мной спорить. Он вышел, чтобы похоронить жену.

– Иди в дом, Кэсси.

– Я тебе помогу.

– Мне не нужна твоя помощь.

– Она моя мама, я тоже ее любила. Пожалуйста, позволь мне помочь.

Я снова заплакала, но папа этого не видел. Он не смотрел на меня и не смотрел на маму. Он вообще ни на что не смотрел. Было такое ощущение, что наш мир превратился в черную дыру, и она засасывала нас обоих. За что нам ухватиться? Я убрала руку отца с маминого тела и прижала к своей щеке. Сказала, что люблю его, и мама его любила; сказала, что все будет хорошо. И черная дыра утратила чуткость своей силы.

– Иди в дом, Кэсси, – мягко повторил папа. – Ты сейчас нужна не ей, а Сэмми.

Я пошла в дом. Сэмми сидел на полу в своей комнате и играл; его Х-крылый истребитель уничтожал «Звезду смерти».

– Ба-бах. Красный, я захожу!

А снаружи папа стоял на коленях возле свежерытой могилы. Коричневая земля, красная роза, серое небо, белая простыня.

12

Я понимаю, что должна поговорить с Сэмми.
Я не знаю, как иначе туда добраться.

Туда – это первый дюйм на открытом пространстве, где солнечный луч поцеловал мою поцарапанную щеку, после того как я решила выбраться из-под «бьюика». Тот первый дюйм был самым трудным и самым длинным дюймом во Вселенной. Он растянулся на тысячи миль.

Туда – это место на шоссе, где я повернулась лицом к врагу, которого не видела.

Туда – это единственное, что не дает мне сойти с ума. Иные лишили меня всего, но это отнять не смогли.

Сэмми – причина того, что я не сдалась. Это из-за него я не осталась умирать под той машиной.

В последний раз я видела Сэмми через заднее окно школьного автобуса. Он прижимался лбом к стеклу и махал мне рукой. И улыбался, как будто ехал на экскурсию – возбужденный, нервный, но совсем не испуганный. В автобусе были другие дети, и это помогало ему не бояться. Что может быть будничнее, чем большой желтый школьный автобус? Школьный автобус – это настолько нормально, что, когда они после четы-

рех месяцев кошмара въехали в лагерь беженцев, их появление вызвало шок. Все равно что увидеть «Макдоналдс» на Луне. Это жутко, это аномально, этого просто не может быть.

Мы пробыли в лагере всего пару недель. Из пятидесяти человек, собравшихся там, мы единственные были семьей, все остальные – вдовы, вдовцы и сироты. Самый старший в лагере выглядел на пятьдесят с лишком. Сэмми оказался самым маленьким, но были еще дети, все, если не считать меня, младше четырнадцати.

Лагерь располагался в двадцати милях к востоку от нашего дома. Во время Третьей волны, когда больницы в городе оказались переполнены, люди вырубали там участок леса и построили полевой госпиталь. Дома быстро собирались из спиленных вручную деревьев, из жести и листового железа, которое перетаскивали из вымирающего города. – Главным зданием был барак для инфицированных. Рядом поставили домик для двух врачей, которые ухаживали за умирающими, пока их самих не уничтожило «багряное цунами». Были еще огород и резервуары для дождевой воды, которой мы мылись-стирались и которую пили.

Мы ели и спали в бараке, вместе с пятью-шестью сотнями истекающих кровью людей. Пол и стены в этом доме постоянно отмывались с хлоркой, а кро-

вати, на которых умирали инфицированные, сжигались. И все равно там витал слабый запах эпидемии (немного похожий на запах скисшего молока), а химия не могла удалить все пятна крови. На стенах были видны следы ее брызг, по полу протянулись серповидные темные пятна. Это походило на жизнь внутри трехмерной абстрактной картины.

Наше жилище было одновременно складом продуктов и арсеналом. Консервированные овощи, мясо в вакуумной упаковке, сухие продукты и добавки, как соль например. Дробовики, пистолеты, полуавтоматические винтовки и даже пара ракетниц. Все мужчины ходили по лагерю вооруженные до зубов. Мы как будто вернулись в эпоху Дикого Запада.

В лесу, в нескольких сотнях ярдов от лагеря, была вырыта неглубокая яма. В этой яме сжигались трупы. Нам туда ходить не разрешалось, – понятно, что я и некоторые дети постарше ходили. Там постоянно болтался гаденыш, которого все звали Криско³ (думаю, потому что он зализывал назад длинные сальные волосы). Ему было тринадцать, и он мародерствовал. Криско бродил буквально по колено в пепле и выужи-

---

³ *Криско* – смесь растительных жиров. Изначально предназначалась для кулинарии, но вследствие очень скользкой консистенции нашла применение в областях, где нужна скользкая поверхность, в том числе и в сексе.

вал оттуда ювелирные украшения, монеты – все, что он считал ценным или «интересным». И клялся, что занимается этим вовсе не потому, что извращенец.

– Главная разница теперь в этом, – говорил он и, фыркая от удовольствия, просеивал между пальцами с черными ногтями улов.

Его руки до локтя были покрыты серым пеплом.

– Разница между чем и чем?

– Между человеком и никем. Бартер вернулся, детка! – отвечал он и демонстрировал ожерелье с бриллиантами. – Когда все закончится, командовать будет тот, у кого есть что-то ценное.

Мысль о том, что иные хотят уничтожить всех, тогда еще не поселилась в наших головах. Даже в головах взрослых. Криско воображал себя аборигеном, который продает Манхэттен за пригоршню бусин, хотя больше смахивал на злополучного дронта.

Папа услышал об этом лагере несколько недель назад, когда у мамы появились первые симптомы заражения. Уговаривал перебраться туда, но она понимала: это ее не спасет. Мама знала, что с ней происходит, и хотела умереть дома, а не в каком-то лесном псевдохосписе. А потом, когда маме оставалось уже недолго, прошел слух, что этот госпиталь превратился в некое убежище. Мол, это достаточно далеко от города, чтобы уцелевшие после эпидемии в отно-

сительной безопасности переждали следующую волну. (Хотя многие умники склонялись к мысли, что нас ждут бомбардировки.) И в то же время достаточно близко, чтобы люди из правительства смогли найти укrywшихся там. Если вообще такие люди из правительства еще существуют и если они собираются кого-то искать.

Неофициальным начальником в лагере был Хатчфилд, в прошлом морпех, словно собранный из конструктора «Лего»: квадратные руки, квадратная голова, квадратный подбородок. Он ходил в одной и той же футболке, сплошь в пятнах (может, даже от крови), но его черные ботинки всегда были начищены до зеркального блеска. Хатчфилд брил голову, но почему-то не грудь и спину, которые действительно стоило брить. Он весь был разукрашен татуировками. И еще он любил оружие. Два пистолета носил на поясе по бокам, один за спиной и еще один в плечевой кобуре. Никто не носил столько пистолетов. Видимо, это что-то вроде отличительной черты неофициального начальника.

Часовые засекли нас на подходе. Как только мы вышли на дорогу, которая вела к лагерю, появился Хатчфилд и парень по имени Броден. Я абсолютно уверена, они хотели произвести на нас впечатление своим арсеналом. Хатчфилд велел нам разделиться. Он со-

бирался переговорить с папой, а Бродген должен был заняться мной и Сэмми. Я сказала Хатчфилду, что об этом думаю. Ну, вы догадываетесь, – чтобы он присо-вокупил свое желание к татуировкам на заднице.

Я только что потеряла маму и совсем не хотела потерять отца.

– Все в порядке, Кэсси, – сказал папа.

– Мы не знаем, кто они, – возразила я ему. – А вдруг это бсоры, папа?

Бсоры – так в городе сокращенно называли бандитов с оружием. Подонки убивали, насильовали, похищали детей, мародерствовали. Они были пеной Третьей волны. Это из-за них мы заколачивали окна и двери и запасались едой и стволами. Не пришельцы были первыми, кто вынудил нас готовиться к войне, это сделали бсоры.

– Они просто соблюдают меры предосторожности, – сказал мне папа. – Я бы на их месте так же поступал. – После этих слов он похлопал меня по плечу: – Все будет нормально, Кэсси.

А мне хотелось сказать: «Черт, старик, если ты еще раз так снисходительно похлопаешь, я...»

Папа отошел вместе с Хатчфилдом. Я не могла слышать, о чем идет разговор, но они оставались в поле зрения, и мне стало чуть-чуть легче. Я посадила Сэмми себе на колени и постаралась отвечать на во-

просы Бродгена так, чтобы при этом не захватить ему в челюсть свободной рукой.

Ваши имена?

Откуда вы?

Кто-то из ваших близких инфицирован?

Можете ли сообщить какую-либо информацию о том, что происходит?

Что вы видели?

Что слышали?

Для чего вы здесь?

– Здесь – это в вашем лагере? Или вопрос экзистенциального характера? – поинтересовалась я.

Брови Бродгена сошлись на переносице и превратились в одну четкую линию.

– Чего? – спросил он.

– Если бы вопрос был задан до того, как началось все это дерьмо, я бы ответила: мы пришли, чтобы послужить человечеству. Если бы я хотела показаться шибко грамотной, ответила бы: если бы мы не пришли сюда, мы бы пришли еще куда-нибудь. Но раз уж все это дерьмо случилось, я отвечу: мы пришли, потому что нам чертовски повезло.

Бродген секунду смотрел на меня с прищуром, а потом недовольным тоном спросил:

– Шибко грамотная, да?

Не знаю, как папа отвечал на эти вопросы, но, судя

по всему, он прошел проверку. Нам разрешили поселиться в лагере со всеми привилегиями, папе (но не мне) даже было разрешено выбрать оружие на складе.

У папы всегда было особое отношение к оружию. Негативное. Раньше он считал, что оружие хоть и не убивает само, но безусловно облегчает убийство. А недавно пришел к мнению, что оружие не столько опасно, сколько бесполезно.

– По-твоему, пистолеты эффективны против технологии, которая опередила нашу на тысячи, если не миллионы лет? – спрашивал он Хатчфилда. – Все равно что отбиваться дубиной и камнями от тактических ракет.

Этот аргумент Хатчфилд не мог усвоить. Морпех есть морпех, о чем тут говорить! Ствол был его лучшим другом, верным боевым товарищем, ответом на все возможные вопросы.

Тогда я этого не понимала. Теперь понимаю.

В хорошую погоду все, пока не приходило время спать, находились снаружи. В ветхом бараке была плохая атмосфера. Эту атмосферу порождала сама причина постройки здания, причина его появления. По этой причине мы оказались в этом лесу. Были вечера, когда там царило благодусное настроение, почти как в летнем лагере, где каким-то чудом все нравятся друг другу. Кто-то скажет, что слышал днем рокот вертолета, после чего начнутся разговоры о том, что правительство, наверное, собралось с силами и готовит контрудар.

Были вечера, когда общее настроение падало и тревога давила на всех. Мы были счастливыми. Мы пережили электромагнитный импульс, удар цунами по берегам, чуму, которая унесла всех, кого мы знали и любили. У нас был шанс. Мы смотрели в лицо смерти, и смерть моргнула первой. Вы можете подумать, что благодаря этому мы обрели мужество и стали непобедимыми. Но это не так.

Мы были как японцы, которые выжили после взрыва бомбы над Хиросимой. Мы не понимали, почему живы, и не были уверены, что хотим оставаться в живых.

Мы рассказывали друг другу истории о своей жизни до Прибытия. Не скрывая слез, оплакивали близких и втайне проливали слезы по утраченным смартфонам, машинам, микроволновкам и Интернету.

Мы подолгу смотрели в ночное небо. Корабль-носитель, возможно, смотрел на нас своим злобным бледно-зеленым глазом.

Иногда начинались диспуты на тему «Куда идти дальше». Все прекрасно понимали, что мы не можем вечно сидеть в этом лесу.

Даже если в ближайшее время не придут иные, придет зима.

Надо бы найти убежище получше этого. Припасов у нас на полгода, а может, и меньше, все зависит от того, сколько еще беженцев придет в лагерь. Ждать спасения или отправиться на его поиски? Папа был за второй вариант. Он все еще хотел выяснить, что происходит в Райт-Паттерсоне. Если от правительства что-то осталось, найти эти остатки можно вероятнее всего на базе BBC.

Мне все это надоело. Разговоры – не дела. Подмывало сказать папе, чтобы он предложил всем этим нытикам не рассусоливать, а пойти с нами в Райт-Паттерсон. А если кто-то не хочет, черт с ним, пусть остается.

Иногда, думала я, люди сильно преувеличивают

значение количества.

Я отнесла Сэмми в дом и уложила на кровать, и мы прочитали его молитву: «Вот сейчас улягусь спать...» Для меня это был просто набор слов, и вместе с тем я чувствовала, что, если они дойдут до Бога, где-то нарушится данное обещание.

Ночь была ясной. Светила полная луна. Идея прогуляться по лесу показалась мне неплохой.

Кто-то в лагере брэнчал на гитаре, мелодия летела за мной по тропинке. Это была первая песня, которую я слышала после Первой волны.

And, in the end, we lie awake
And we dream of making our escape⁴.

Мне вдруг захотелось лечь, свернуться калачиком и заплакать. Или сорваться с места и бежать по лесу, пока ноги не откажут. Одолевали позывы рвоты. Я хотела кричать, пока из горла не пойдет кровь. Я хотела снова увидеть маму, Лизбет и всех моих друзей, и даже тех ребят, кто мне не нравился. И Бена Пэриша. Просто чтобы сказать, что любила его и быть его девочкой мне хотелось больше, чем жить.

Песня стихла, ее сменили куда менее мелодичные трели сверчков.

---

⁴ Из песни «Escapist» британской рок-группы «Колдплэй».

Хрустнула ветка.

Кто-то у меня за спиной крикнул:

– Кэсси! Подожди!

Я не остановилась. Я узнала этот голос. Наверное, сама себя сглазила, когда подумала о Бене. Так бывает, когда до смерти хочется шоколада, а у тебя в рюкзаке только раздавленный пакетик «Скитлс».

– Кэсси!

Он побежал. У меня не было настроения бегать, и я позволила себя догнать.

Это закон, который ничто не сможет отменить: единственный верный способ не быть одному – захотеть побыть одному.

– Ты что тут делаешь? – спросил Криско.

Он пыхтел как паровоз, раздувал красные щеки; виски блестели, наверное от жира с волос.

– А что, не видно? – выдала я в ответ. – Сооружаю ядерную бомбу, чтобы уничтожить корабль-носитель.

– Ядерное оружие тут не поможет. – Криско расправил плечи. – Надо делать пушку Ферми.

– Ферми?

– Это парень, который изобрел бомбу.

– Я думала, ее изобрел Оппенгеймер.

Мои знания как будто произвели впечатление на Криско.

– Ну, может, Ферми бомбу и не изобретал, но идея

была его.

– Криско, ты придурок, – сказала я, но, решив, что это звучит грубо, добавила: – Правда, я не знала тебя до Вторжения.

– Надо вырыть глубокую яму, положить на дно боеголовку, залить водой и запечатать стальной крышкой в несколько тонн весом. Взрыв за секунду превратит воду в пар, а пар сорвет крышку, и она полетит в космос со скоростью в десять раз быстрее звука.

– Ага, – согласилась я, – кто-то точно соорудит такое. – Ты поэтому меня подкарауливал? Хочешь, чтобы я помогла тебе построить ядерную паровую катапульту?

– Можно тебя кое о чем спросить?

– Нет.

– Я серьезно.

– Я тоже.

– Если бы ты знала, что через двадцать минут умрешь, что бы ты сделала?

– Понятия не имею, – ответила я. – Но точно в эти двадцать минут обойдусь без тебя.

– Это почему? – Криско не стал ждать ответа, наверное догадался, что он ему не понравится. – А если я буду последним человеком на Земле?

– Если ты будешь последним человеком на Земле, меня рядом с тобой не будет.

– Ладно. А если мы с тобой будем последними на Земле?

– Тогда ты все равно будешь последним, потому что я убью себя.

– Я тебе не нравлюсь.

– Да что ты говоришь? Как догадался?

– Представь, что мы их увидели, прямо здесь. Вот они идут, чтобы нас прикончить. Что ты тогда сделаешь?

– Не знаю. Попрошу прикончить меня первой. К чему ты клонишь, Криско?

– Ты девственница? – вдруг спросил он.

Я присмотрелась к нему. Он был абсолютно серьезен. Но большинство тринадцатилетних пацанов серьезные, когда у них начинают играть гормоны.

– Имела я тебя, куда хочешь, – буркнула я, обошла его и направилась в лагерь.

Похоже, я выбрала слишком слабое ругательство. Криско потрусил за мной, и ни один волосок у него на голове при этом не шевельнулся. Как будто он носил блестящий черный шлем.

– Я серьезно, Кэсси, – пыхтел на бегу Криско. – Бывает такое, что каждая ночь может оказаться последней.

– Придурок, так было и до их появления.

Он схватил меня за руку и развернул к себе, а потом

приблизил ко мне щекастую сальную физиономию. Я была на дюйм выше, но он имел перевес в двадцать фунтов.

– Ты правда хочешь умереть, даже не узнав, каково это?

– С чего ты взял, что я не знаю? – переспросила я и рывком высвободила руку. – Больше никогда ко мне не прикасайся.

Смена темы разговора.

Криско снова попытался схватить меня. Я отбила его руку левой рукой, а правой ладонью хорошенько треснула по носу. От удара кран открылся – из носа Криско потекла алая струйка крови.

– Сука! – задыхаясь, выругался Криско. – У тебя мог быть хоть кто-нибудь. Хоть кто-то из твоей гребаной жизни, кто еще жив.

Он разревелся и побежал по тропинке. Потом упал и скис. На него навалилось все разом, и он сдался. Это в точности как если ты лежишь под большим «бьюиком», и ощущение такое, что все хуже некуда, но будет еще хуже.

Вот черт.

Я присела на тропинку рядом с Криско и сказала, чтобы запрокинул голову, а он жаловался, что так кровь затекает в горло.

– Ты только никому не рассказывай, – умолял он. –

Если расскажешь, пострадает моя репутация.

Я рассмеялась. Просто не смогла удержаться.

– Где ты этому научилась? – спросил Криско.

– Девочки-скауты.

– А за такое дают значки?

– Значки дают за все.

Вообще-то я семь лет занималась карате. Бросила в прошлом году. Даже не помню почему. Мне вроде нравилось тогда.

– Я тоже такой, – сказал Криско.

– Что?

Он сплюнул на землю сгусток крови и сказал:

– Девственник.

Вот это шок.

– С чего ты взял, что я девственница? – спросила я.

– Если бы у тебя был секс, ты бы меня не ударила.

На шестой день пребывания в лагере я в первый раз увидела беспилотник.

Блестящий и серый на фоне ярко-синего дневного неба.

Вдруг поднялась дикая суматоха, люди кричали и бегали по лагерю, хватались за оружие, размахивали шляпами и рубашками и просто ликовали, то есть плакали, обнимались, хлопали друг друга по ладоням. Они думали, что пришло спасение. Хатчфилд и Бродген пытались всех успокоить, но безуспешно. Дрон пронесся по небу и скрылся за лесом. Потом вернулся, летя уже медленнее. С земли он был похож на аэростат. Папа с Хатчфилдом, присев в дверях барака, по очереди смотрели в бинокль.

– Крыльев нет. Без опознавательных знаков. Ты видел, как он в первый заход летел? Сверхзвуковой, точно, – говорил Хатчфилд и в ритм словам стучал кулаком по земле. – Эта штука внеземная, если только мы не выпустили какой-то секретный аппарат.

Папа с ним соглашался. Нас загнали в дома. Папа с Хатчфилдом продолжали стоять в дверях и передавать друг другу бинокль.

– Кэсси, это инопланетяне? – спросил Сэмми. – Они

придут сюда?

– Тсс.

Я подняла голову и увидела, что за мной наблюдает Криско.

– Двадцать минут, – сказал он одними губами.

– Если придут, я их побью, – шепотом сказал Сэмми. – Всех прикончу карате!

– Правильно, – согласилась я и нервно погладила его по волосам.

– Я не собираюсь убегать, – продолжал Сэмми, – я их поубиваю за то, что они убили маму.

Дрон исчез. Позже папа сказал, что он ушел вертикально вверх и сделал это за долю секунды.

Мы среагировали на беспилотник, как среагировал бы любой на нашем месте.

Мы перепугались.

Некоторые побежали. Кто-то хватал все, что мог унести, и устремлялся в лес, кто-то срывался с места с пустыми руками и с ужасом в глазах. Никакие слова Хатчфилда не могли их остановить.

Не разбежавшиеся сидели в бараках до наступления ночи, а потом наша вечеринка ужаса перешла на новый круг.

Засекли нас или нет? Кто придет следом за дроном? Штурмовики, солдаты-клоны или роботы? Нас всех зажарят лазерными пушками?

Мы не осмелились зажечь керосиновые лампы, поэтому в бараке было темно, хоть глаз выколи. Прерывистый шепот, сдавленный плач. Мы лежали на койках и подскакивали при любом шорохе. Хатчфилд назначил в караул самых метких стрелков: «Что-то шевельнется – бей». Никто не мог выйти из барака без разрешения. А Хатчфилд никому его не давал.

Та ночь длилась тысячу лет.

Папа подошел ко мне в темноте и вложил что-то в руку.

Заряженный полуавтоматический «люгер».

– Ты же не веришь в оружие, – сказала я.

– Я много во что раньше не верил.

Одна женщина начала читать «Отче наш». Мы прозвали ее Мать Тереза. У нее были жидкие седые волосы, большие ноги и костлявые руки, и она ходила в вылинявшем синем платье. А еще она где-то потеряла свои зубные протезы. Мать Тереза постоянно перебирала четки и говорила об Иисусе. К ней присоединилось несколько человек. Потом еще несколько.

– Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.

В этот момент ехидный враг Матери Терезы, единственный атеист в лагере «Погребальная яма», профессор Даукинс из колледжа, крикнул:

– Особенно этим, инопланетного происхождения!

– Ты отправишься в ад! – пообещал ему кто-то из темноты.

– А как я пойму, что там очутился? – крикнул он в ответ.

– Тихо! – негромко приказал Хатчфилд со своего места у двери. – Хватит молиться!

– Настал Судный день, – завывала Мать Тереза.

Сэмми передвинулся на кровати поближе ко мне. Я положила пистолет между ног. Сэмми мог схватить его и случайно прострелить мне голову.

– Да заткнитесь вы все! – сказала я. – Брата моего пугаете.

– Я не боюсь, – сказал Сэмми и сжал кулачок. – А ты боишься, Кэсси?

– Да, – ответила я и поцеловала его в макушку.

Волосы Сэмми пахли чем-то кислым, я решила, что помою его утром.

Если утро вообще наступит.

– Нет, ты не боишься, – сказал он. – Ты никогда ничего не боишься.

– Мне сейчас так страшно, что я даже описать могу.

Сэмми хихикнул. Он уткнулся в мое плечо лицом, и показалось, что оно горячее. Лихорадка? Так это обычно начинается. Я велела себе не поддаваться паранойе. Сэмми сотни раз бывал рядом с инфициро-

ванными и не заразился. «Багряное цунами» передается очень быстро, выжить может только тот, у кого есть иммунитет. У Сэмми есть иммунитет. Если бы у него не было иммунитета, он бы уже умер.

– Тебе лучше надеть подгузник, – поддразнил меня Сэмми.

– Может, так и сделаю.

– Если я пойду и долиною смертной тени...⁵ – Мать Тереза не собиралась замолкать.

В темноте щелкали ее четки. Даукинс, чтобы заглушить молитвы, громко запел «Три слепых мышонка». Я не могла решить, кто меня раздражает больше – фанатичка или циник.

– Мама говорила, что они могут быть ангелами, – ни с того ни с сего сказал Сэмми.

– Кто? – не поняла я.

– Когда инопланетяне появились в первый раз, я спросил маму, станут они нас убивать или нет. А мама сказала, что они, может, и не инопланетяне вовсе. Может, ангелы с небес. Как те, в Библии, которые разговаривали с Авраамом, и с Марией, и с Иисусом, и со всеми остальными.

– В ту пору они с нашим братом куда больше разговаривали, чем сейчас, – сказала я.

– А они стали нас убивать. Маму убили.

---

⁵ Псалтырь, псалом 22.

Сэмми заплакал.

– Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих...

Я поцеловала Сэмми в макушку и потерла ему плечи.

– Умастил елеем голову мою...

– Кэсси, Бог нас ненавидит?

– Нет... Не знаю.

– А маму?

– Конечно нет. Мама была хорошим человеком.

– Тогда почему он позволил ей умереть?

Я покачала головой с таким трудом, будто она весила двадцать тысяч тонн.

– Чаша моя преисполнена...

– Почему он позволил инопланетянам убивать нас?

Почему Бог их не остановил?

– Может, еще остановит, – медленно прошептала я; мне даже языком ворочать было тяжело.

– Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей...

– Не дай им меня забрать, Кэсси. Не дай мне умереть.

– Ты не умрешь, Сэмс.

– Обещаешь?

Я пообещала.

На следующий день дрон вернулся.

Или это был другой, в точности такой же. Вряд ли иные прилетели с одним беспилотником на борту.

Дрон медленно плыл по небу. Никакого рокота или жужжания; он просто скользил, как приманка-мушка по гладкой воде. Мы все бросились в барак. В этот раз никаких команд не требовалось. Я обнаружила, что сижу на одной кровати с Криско.

– Я знаю, что сейчас будет, – шепотом сказал он.

– Помолчи, – тоже шепотом ответила я.

Криско кивнул и продолжил:

– Акустическая бомба. Знаешь, что происходит, когда на тебя обрушивают двести децибел? Лопаются легкие, и воздух попадает в кровь, а после этого разрывается сердце.

– Где ты набрался всей этой чуши?

Папа и Хатчфилд опять сидели на корточках возле открытых дверей. Несколько минут они смотрели в одну точку. Видимо, дрон завис на месте.

– Вот, у меня для тебя кое-что есть, – сказал Криско.

Кулон с бриллиантом. Трофей из ямы с пеплом.

– Это отвратительно, – сказала я.

– Почему? Я ведь его не украл. – Криско обиженно

надул губы. – Я знаю, в чем дело. Я не тупой. Дело не в кулоне, дело во мне. Если бы ты считала, что я клевый парень, сразу бы взяла.

Я задумалась над его словами. Если бы Бен Пэриш выкопал этот кулон из ямы с пеплом, приняла бы я его в подарок?

– Я-то не думаю, что ты клевая, – добавил Криско.

Вот это облом. Криско Расхититель Могил не думает, что я клевая девчонка.

– Тогда почему решил мне это подарить?

– Я вчера разнылся в лесу. Не хочу, чтобы ты меня за это ненавидела. Не хочу, чтобы считала меня червяком.

Поздновато для извинений.

– Мне не нужны украшения с мертвецов, – сказала я.

– Им тоже, – кивнул Криско.

Он не собирался от меня отставать. Я отошла и села за спиной у папы. Через его плечо увидела серебристое пятнышко на безоблачном небе.

– Что происходит?

И только спросила, как точка исчезла. Я и глазом моргнуть не успела.

– Воздушная разведка, – выдохнул Хатчфилд. – Наверняка.

– У нас были спутники, которые с орбиты могли про-

читать время на ручных часах, – тихо сказал папа. – Если мы с нашими примитивными технологиями были способны на такое, почему они, чтобы шпионить за нами, вынуждены покидать свой корабль?

– Есть версия получше? – Хатчфилду не нравилось, когда его слова ставились под сомнение.

– Возможно, им нет до нас дела, – сказал папа. – Эти штуки могут быть устройствами для замеров того, что нельзя измерить из космоса, атмосферными зондами к примеру. Или они ищут что-то, чего нельзя обнаружить, пока не будет нейтрализовано большинство из нас.

Папа вздохнул. Мне был знаком этот вздох. Он означал, что папа готов поверить в то, во что ему не хотелось бы верить.

– Хатчфилд, все сводится к одному простому вопросу. Зачем они здесь? Не для того, чтобы высосать из нашей планеты все ресурсы. Таких планет во Вселенной предостаточно, не надо лететь за сотни световых лет. И не для того, чтобы искоренить нас, хотя они явно вынуждены уничтожить большую часть человечества. Они ведут себя как хозяин, который выгоняет задолжавшего арендатора, чтобы можно было прибраться в доме перед вселением новых жильцов. Я думаю, все это делается с целью подготовить место.

– Подготовить? Для чего подготовить?

Папа безрадостно улыбнулся:

– Для переезда.

Час до рассвета. Наш последний день в лагере. Воскресенье.

Сэмми спит рядом со мной. Малыш уютно свернулся калачиком, одну руку положил на своего медвежонка, другую мне на грудь. Пухлый детский кулачок.

Лучшая часть дня. Первые его секунды, когда ты уже не спишь, но еще не заполнена никакими эмоциями. Ты забыла, где находишься, кем была раньше и кем стала теперь. Только дыхание, биение сердца и бег крови в венах. Ты как будто снова в утробе матери. Покой пустоты.

Вот с чем я сначала перепутала тот звук. С биением собственного сердца.

Тум-тум-тум. Сначала тихо, потом громче, потом настоящий грохот, так что ты кожей чувствуешь каждый децибел. По бараку пробежал луч света. Свет стал ярче. Люди вскакивают с коек, торопливо натягивают одежду, ищут свое оружие. Свет тускнеет, снова усиливается. По полу мечутся тени, взбегают на потолок. Хатчфилд кричит, чтобы все сохраняли спокойствие. Его не слушают. Все узнали этот звук и поняли, что он означает.

Спасение!

Хатчфилд попытался загородить выход своим телом.

– Оставайтесь на месте! – кричал он. – Нам нельзя...

Его смели с дороги. Да, теперь нам все можно! Выбежав из барака во двор, мы махали вертолету. Это был «Блэк хоук». Черный вертолет на фоне предрасветного неба сделал еще один круг над лагерем. Нацеленный вниз луч прожектора слепил, но большинство из нас уже ослепло от слез. Мы прыгали, кричали, обнимались. Два человека размахивали американскими флажками. Помню, я тогда еще подумала: «Где они их раздобыли?»

Хатчфилд орал, чтобы мы вернулись в барак. Его никто не слушал. Он больше не был нашим начальником – прибыли люди от правительства.

А потом вертолет сделал последний круг и исчез так же неожиданно, как и появился. Стих рокот винтов, и все потонуло в гнетущей тишине. Мы ничего не понимали, и стало страшно. Они наверняка нас видели. Почему не приземлились?

Мы ждали, что вертолет вернется. Ждали все утро. Люди паковали свои пожитки, строили версии о том, куда нас могут переправить, какова там обстановка и сколько уже собралось выживших. «Блэк хоук»! Что еще уцелело после Первой волны? Мы мечтали об

электрическом свете и горячем душе.

Никто не сомневался в том, что теперь, когда о нас узнало правительство, мы будем спасены. Помощь уже в пути.

Папа оставался папой. Он ни в чем никогда не был уверен.

– Могут и не вернуться, – сказал он.

– Не оставят же нас здесь, – сказала я. Иногда с папой надо было говорить так, будто он ровесник Сэмми. – Иначе зачем прилетали?

– Возможно, их задача – не спасение людей. Они могли искать что-то еще.

– Дрон?

Я имела в виду тот, который потерпел крушение неделей раньше. Папа кивнул.

– Но все равно теперь они знают о нас, – сказала я. – И что-нибудь предпримут.

Папа снова кивнул. С отсутствующим видом, как будто думал о чем-то другом.

– Предпримут. – Он посмотрел мне в глаза. – С этого момента не разлучайся с Сэмми. Ты поняла меня, Кэсси? Не позволяй ему отходить. Пистолет не потеряла?

Я похлопала себя по карману. Папа обнял меня одной рукой и повел к складу. Там в углу лежал кусок старого брезента, папа отбросил его в сторону, и я уви-

дела полуавтоматическую штурмовую винтовку М-16. Именно она, когда никого больше не останется, делается моей верной подругой.

Папа поднял винтовку и осмотрел с рассеянным видом профессора.

– Что думаешь? – шепотом спросил он.

– О винтовке? Клевая.

Папа не стал делать мне замечаний, наоборот, даже усмехнулся. Показал, как она действует, как ее держать, как целиться, как перезаряжать.

– Вот, попробуй. – И папа протянул мне винтовку.

Думаю, его приятно удивило то, как быстро я все усвоила. У меня благодаря занятиям карате была отличная координация. На уроках танца такую не приобретешь.

– Она твоя, – сказал папа, когда я попыталась вернуть ее. – Я припрятал ее для тебя.

– Почему? – спросила я.

Не то чтобы я не хотела такое оружие, но подарок папы меня немного напугал. Пока все остальные радовались, папа учил меня, как обращаться со штурмовой винтовкой.

– Знаешь, как на войне определить, кто твой враг?

Папа говорил со мной, а взгляд метался по углам склада. Я не могла понять, почему он на меня не смотрит.

– Враг – тот, кто в тебя стреляет, вот как это определяется. Не забывай об этом. – Папа кивнул в сторону винтовки. – Не носи ее постоянно. Держи поблизости, но никому не показывай. Спрячь где-нибудь, только не в бараке. Поняла?

Похлопывание по плечу. Этого недостаточно. Крепкие объятия.

– Теперь ступай найди Сэмми. Я должен поговорить с Хатчфилдом. И еще, Кэсси, если кто-то попытается отобрать у тебя эту винтовку, отсылай его ко мне. А если не отстанет, стреляй.

Папа улыбнулся. Только глаза оставались пустыми и холодными, как у акулы.

Мой папа был счастливчиком. Мы все были счастливчиками. Удача провела нас через первые три волны. Но даже самый опытный игрок скажет вам, что удача не длится бесконечно. Думаю, папа почувствовал это в тот день. Не то чтобы удача покинула нас. Никто не мог этого знать. Но я думаю, он понимал, что тех, кто останется в конце, нельзя будет назвать счастливчиками.

Это будет хардкор. Останутся те, кто пошлет удачу в задницу. Те, у кого сердце из камня. Те, кто способен убить сотню ради спасения одного. Те, кто готов признать, что сжечь деревню ради ее же спасения – мудрый поступок.

Мир отрахан до неузнаваемости.

А если тебя это не устраивает, ты просто ходячий труп в ожидании конца.

Я взяла М-16 и спрятала ее за деревьями возле тропинки, которая вела к погребальной яме.

Остатки моего мира были уничтожены днем в теплое солнечное воскресенье.

Сначала был рык дизельных двигателей, тархтение и стон колес, визг пневматических тормозов. Наши часовые обнаружили колонну задолго до того, как та подъехала к лагерю. Они заметили солнечные блики на стеклах и плюмаж из пыли, которую вздымали тяжелые колеса. Мы не бросились навстречу с цветами и поцелуями. Мы держались в стороне, а к колонне пошли только Хатчфилд, папа и еще четыре наших лучших стрелка. Все были немного напуганы и уже не испытывали такого энтузиазма, как утром.

Того, что мы ожидали с момента Прибытия, не случилось. То, чего мы не ожидали, случилось. В Третью волну потребовалось целых две недели, чтобы мы поняли: смертельный грипп – часть плана иных. И тем не менее ты продолжаешь верить в то, во что верил всегда, думать, как думал всегда, надеяться на то, на что надеялся всегда. Поэтому мы не задавались вопросом: «Спасут ли нас?» Мы спрашивали себя: «Когда нас спасут?»

И вот мы увидели именно то, что ожидали увидеть: большой грузовик с открытым кузовом, полный сол-

дат; «хамви» с пулеметами и ракетными комплексами. Но мы все равно не побежали к ним навстречу.

А потом показались школьные автобусы.

Три автобуса ехали один за другим, бампер к бамперу.

Три школьных автобуса с детьми.

Такого никто не ожидал. Как я уже говорила, это было до жути нормально. Сюрреализм. Кто-то из нас даже рассмеялся. Желтые школьные автобусы! Где же чертова школа?

Несколько напряженных минут мы слышали только урчание моторов и приглушенные крики и смех детей в автобусах. Потом папа оставил Хатчфилда с начальником колонны и подошел к нам с Сэмми. Нас сразу окружили люди – узнать, что происходит.

– Они из Райт-Паттерсона, – взволнованно сказал папа. – И судя по всему, уцелело гораздо больше военных, чем мы предполагали.

– Почему они в противогазах? – спросила я.

– Меры предосторожности, – ответил папа. – С начала эпидемии они были изолированы. Мы можем быть переносчиками инфекции.

Папа посмотрел вниз, на Сэмми, который стоял, обхватив меня обеими руками за ногу.

– Они приехали забрать детей, – сказал папа.

– Зачем? – спросила я.

– А как же мы? – возмутилась Мать Тереза. – Нас они не собираются отсюда забирать?

– Комендант сказал, что они за нами вернутся. – Папа взглянул на Сэмми. – Сейчас у них есть места только для детей.

– Они не разлучат нас, – сказала я ему.

– Конечно нет.

Папа вдруг развернулся и зашагал к бараку. Обрат-но он пришел с моим рюкзаком и мишкой Сэмми.

– Ты поедешь с ним.

Папа меня не понял.

– Я не собираюсь уезжать без тебя.

Что происходит с такими людьми, как мой папа? Стоит появиться какой-нибудь важной шишке, и у них сразу выветриваются все мозги.

– Ты слышала, что он сказал! – визгливо крикнула Мать Тереза. – Только дети! Если кто-то еще имеет право поехать, то это я... женщины. Да, так всегда делается. Первые – женщины и дети. Женщины и дети!

Папа не обращал на нее внимания. Он хотел положить руку мне на плечо, но я увернулась.

– Кэсси, в первую очередь они должны увезти в безопасное место самых слабых и незащищенных. Я приеду через несколько часов...

– Нет! – крикнула я. – Мы или останемся вместе, или вместе уедем. Скажи им, что мы прекрасно про-

держимся до их возвращения. Я могу позаботиться о Сэмми. Я всегда о нем заботилась.

– И ты будешь о нем заботиться, Кэсси, потому что поедешь с ним.

– Без тебя не поеду. Папа, я не оставлю тебя здесь.

Папа улыбнулся мне, как улыбаются малышам умиленные их лепетом взрослые.

– Я не пропаду.

У меня не хватало слов, я словно проглотила раскаленный уголь. Чувствовала, что, если нас разлучат, это будет конец нашей семьи; если оставлю папу, то больше никогда его не увижу.

Папа оторвал Сэмми от моей ноги, потом свободной рукой ухватил меня за локоть и зашагал к автобусам. Лица солдат прятались под противогазами, похожими на головы насекомых, но на зеленых мундирах я видела нашивки с фамилиями.

Грин.

Уолтер.

Паркер.

Хорошие простые американские фамилии.

Бойцы стояли прямо, но расслабленно, спокойные и в то же время готовые к бою.

В общем, именно так и должны выглядеть настоящие солдаты.

Мы подошли к последнему автобусу. Дети в сало-

не кричали и махали нам руками. Они вели себя так, будто их ждало большое приключение.

Солдат внушительного телосложения, который стоял у дверей в автобус, поднял руку. На его нашивке значилось: капрал Бранч.

– Только дети, – сказал капрал приглушенным из-за противогаза голосом.

– Я понимаю, капрал, – кивнул папа.

– Кэсси, почему ты плачешь? – спросил Сэмми и потянулся ручонкой к моему лицу.

Папа опустил его на землю и присел рядом на корточки.

– Ты едешь в путешествие, Сэмс, – сказал папа. – Эти хорошие военные дяди отвезут тебя в безопасное место.

– А ты что, не поедешь? – Сэмми вцепился в папину рубашку.

– Да, папа поедет, только не сейчас. Но скоро, очень скоро.

Папа прижал Сэмми к себе. Последнее объятие.

– Веди себя хорошо. Слушайся военных дяденек. Хорошо?

Сэмми кивнул и вложил свою ладошку в мою:

– Идем, Кэсси. Мы поедем на автобусе!

Черный противогаз резко повернулся в нашу сторону, рука в перчатке снова поднялась вверх.

– Только мальчик.

Я попыталась объяснить ему, куда он может засунуть свои приказы. Мне и так было тошно от того, что папа остается, и Сэмми я не собиралась отпускать одного.

– Только мальчик, – оборвал мою тираду капрал.

– Это его сестра, – попытался урезонить военного папа. – И она тоже еще ребенок. Ей только шестнадцать.

– И все равно она останется, – сказал солдат.

– Тогда он никуда не поедет. – Я крепко обхватила Сэмми.

Этому капралу, если он намерен забрать моего братика, придется сначала оторвать мне руки.

Капрал молчал. Так прошло несколько неприятных секунд. Стекла противогаза злобно отражали солнечный свет. Меня подмывало сорвать маску и плюнуть капралу в физиономию.

– Хочешь, чтобы он остался?

– Я хочу, чтобы он был со мной, – поправила я капрала. – В автобусе или здесь. Где угодно, но он останется со мной.

– Нет, Кэсси, – сказал папа.

Сэмми заплакал. Он понял: папа и военный дядя против нас с ним. И нам не победить.

– Хорошо, он может остаться, – сказал капрал. – Но

в таком случае мы не гарантируем его безопасность.

– Да неужели? – прокричала я в его насекомью морду. – А чью безопасность вы вообще способны гарантировать?

– Кэсси... – начал папа.

– Ни хрена вы не можете гарантировать! – орала я. Капрал проигнорировал мои крики.

– Вам решать, сэр, – сказал он.

– Папа! – сказала я. – Ты слышал – Сэмми может остаться с нами.

Папа закусил нижнюю губу, потом поднял голову и почесал подбородок, его глаза смотрели в пустое небо. Он думал о дронах, о том, что знал, и о том, чего не знал. Он прикидывал шансы, просчитывал возможности и не обращал внимания на слабый голосок, который просил из глубин подсознания: «Не отпускай его!»

И папа, конечно, принял самое разумное решение. Он был разумным взрослым человеком, а разумные взрослые всегда поступают именно так.

Они принимают разумные решения.

– Ты права, Кэсси, – в конце концов сказал папа. – Они не могут гарантировать безопасность... никто не может. Но некоторые места менее опасны, чем другие. – После этого папа взял Сэмми за руку. – Идем, парень.

– Нет! – закричал Сэмми, слезы ручьями текли по его красным щекам. – Не пойду без Кэсси!

– Кэсси приедет, – сказал папа. – Мы вместе сразу приедем за тобой.

– Я буду его защищать! Буду за ним приглядывать! Не позволю, чтобы с ним что-нибудь случилось! – угрожала я папу. – Они же еще вернутся за нами! Мы просто подождем их здесь.

Я потянула папу за рубашку и сделала умоляющее лицо. Это всегда помогало мне добиться желаемого.

– Пожалуйста, папочка, не делай этого. Это неправильно. Мы не должны разлучаться, мы должны держаться вместе.

Мои мольбы остались без ответа. Лицо папы снова стало суровым.

– Кэсси, скажи своему брату, что все будет хорошо.

Я так и сделала. После того как сказала себе. Сначала я сказала себе, что надо доверять папе, доверять правительству. Надо верить в то, что иные не превратят в пепел школьные автобусы с детьми. Надо верить в то, что вера не исчезнет, как исчезли компьютеры, попкорн и голливудские фильмы, где в финале подонки с планеты Ксеркон терпят сокрушительное поражение.

Я опустила на колени перед братиком.

– Ты должен поехать, Сэмс, – сказала я.

Сэмми выпятил пухлую нижнюю губу и прижал к груди мишку.

– Кэсси, а кто будет обнимать тебя, когда ты испугаешься?

Сэмми был совершенно серьезен, у него даже появилась морщинка между бровей, совсем как у папы. Я чуть не рассмеялась.

– Я больше ничего не боюсь. И ты не должен бояться. Нас нашли военные, они позаботятся, чтобы с нами ничего не случилось. – Я подняла голову и посмотрела на капрала Бранча. – Правильно?

– Правильно.

– Он похож на Дарта Вейдера, – шепотом сказал мне Сэмми. – И голос такой же.

– Ага. Но ведь ты помнишь, что случилось с Вейдером? В конце он стал хорошим парнем.

– Только сначала взорвал целую планету и убил много людей.

Я не могла не рассмеяться. Какой же наш Сэмми умница. Иногда мне казалось, что он умнее меня и папы вместе взятых.

– Ты приедешь, Кэсси?

– Можешь не сомневаться.

– Обещаешь?

Я пообещала. Приеду. Приеду, что бы ни случилось.

Это все, что он хотел услышать.

Сэмми протянул мне своего мишку.

– Сэмс?

– Будет с тобой, когда испугаешься. Ты его не бросай. – Сэмми поднял пальчик, чтобы подчеркнуть важность своих слов. – Не забудь свое обещание. – Сэмми протянул руку капралу. – Веди меня, Вейдер!

Рука в перчатке поглотила пухленькую ладошку Сэмми. Первая ступенька была слишком высока для его роста. Когда Сэмми забрался по лесенке и появился в проходе, дети завизжали от радости и захлопали в ладоши.

Мой брат был последним пассажиром. Двери закрылись. Папа попытался меня обнять, я шагнула в сторону. Заурчал двигатель, пшикнули пневматические тормоза.

А еще было лицо Сэмми у залапанного стекла и его улыбка. Желтый X-крылый истребитель набрал сверхсветовую скорость и унес его в далекую галактику, остался только след из клубящейся пыли.

– Идемте, сэр, – вежливо сказал капрал, и мы пошли за ним обратно в лагерь.

Два «хамви» эскортировали школьные автобусы в Райт-Паттерсон, остальные стояли «мордами» к баракам и складу. Дула смотрели в землю, словно пулеметные установки были головами каких-то дремлющих металлических существ.

В лагере было пусто. Все, даже военные, ушли в барак.

Все, кроме одного.

Когда мы вошли на территорию лагеря, из складского сарая к нам навстречу вышел Хатчфилд. Не знаю, что сияло ярче – его бритая голова или улыбка до ушей.

– Великолепно, Салливан! – торжествующе пробасил он. – А ты еще хотел смотать удочки после первого дрона.

– Похоже, я ошибался. – Папа натянуто улыбнулся.

– Через пять минут подполковник Вош проведет инструктаж. Но сначала отдай игрушку.

– Что отдать?

– Оружие. Приказ подполковника.

Папа посмотрел на сопровождавшего нас капрала.

Капрал посмотрел на него пустыми черными глазами противогоза.

– Почему? – спросил папа.

– Тебе надо объяснить? – Улыбка Хатчфилда осталась на месте, но глаза сузились.

– Да, не помешало бы.

– Это СОП, Салливан. Стандартная оперативная процедура. – Хатчфилд разговаривал с папой как с умственно отсталым. – В военное время толпа неподготовленных, неопытных штатских с оружием – проблема.

Он протянул руку. Папа медленно снял с плеча винтовку. Хатчфилд выхватил у него оружие и снова исчез на складе.

Папа повернулся к капралу и спросил:

– Кто-нибудь выходил на контакт с... – Он не сразу нашел подходящее слово. – С иными?

Ответ был односложным:

– Нет.

Хатчфилд вышел со склада и лихо отдал честь капралу. Это его стихия, он снова со своими братьями по оружию. Он был так возбужден – казалось, еще секунда, и обмочится от счастья.

– Все стволы сданы и сосчитаны, капрал.

«Кроме двух», – подумала я и посмотрела на папу.

У него ни один мускул на лице не дрогнул, если

не считать маленьких, вокруг глаз. Дернулись под левым, дернулись под правым: «Нет».

Мне в голову пришла только одна причина, почему он так сделал. Когда я думаю об этом, когда я слишком много об этом думаю, я начинаю ненавидеть отца. Ненавижу за то, что он не доверился своим инстинктам, за то, что не прислушался к слабому голосу, который наверняка шептал ему: «Это неправильно. Что-то здесь не так».

Я ненавижу его прямо сейчас. Если бы он был здесь, я бы врезала ему по лицу за то, что он был таким глухим тупицей.

Капрал пошел к бараку. Пришло время подполковнику Вошу проводить инструктаж.

Пришел конец.

Воша я узнала сразу.

Стоит в дверях. Очень высокий. Единственный из людей в военной форме не держит на груди винтовку.

Мы вошли в бывший госпиталь-морг, и Вош кивнул капралу. Тот козырнул и занял место в одной из шеренг.

Да, вот так это было: солдаты стояли вдоль трех стен, а беженцы сгрудились между ними.

Папа нашел мою руку и сжал; в другой руке я держала мишку Сэмми.

«Как тебе это, пап? Твой внутренний голос зазвучал громче, когда ты оказался окружен людьми с оружием? Поэтому ты схватил меня за руку?»

– Отлично, теперь мы можем получить ответы? – крикнул кто-то, когда мы вошли внутрь.

Все заговорили одновременно – все, кроме солдат.

Люди выкрикивали вопросы:

– Они уже приземлились?

– На кого похожи?

– Кто они?

– Что за серые корабли мы видели в небе?

– Когда нас отсюда увезут?

– Сколько выживших вы обнаружили?

Вош поднял руку, призывая нас к тишине. Это сработало, но только наполовину.

Хатчфилд четко отдал честь подполковнику и доложил:

– Контингент лагеря в полном составе, сэр!

Я быстро пересчитала беженцев.

– Нет! – Чтобы быть услышанной, мне пришлось повысить голос. – Не все! – Я посмотрела на папу. – Здесь нет Криско.

Хатчфилд нахмурился.

– Кто этот Криско? – спросил он.

– Гаденыш... мальчишка...

– Мальчишка? Значит, уехал на автобусе с другими.

«С другими». Сейчас, когда я об этом думаю, это звучит даже забавно. Забавно в извращенном понимании.

– Нам надо, чтобы в этом здании собрались все люди, – сказал Вош из-под своего противогаза.

У него был очень низкий, какой-то утробный голос.

– Он, наверное, перепугался, – предположила я. – Криско такой размазня.

– Куда он мог пойти? – спросил Вош.

Я покачала головой – не знаю. А потом догадалась, то есть я точно знала, где искать Криско.

– Яма с пеплом.

– Где эта яма?

– Кэсси, – подал голос папа и сильно сжал мне руку, – почему бы тебе не пойти и не привести Криско, чтобы подполковник мог начать инструктаж?

– Мне? – не поняла я.

Думаю, к тому моменту внутренний голос папы уже кричал, но я его не слышала, а папа не мог об этом сказать. Он мог только попытаться мне что-то сообщить глазами. Например, вот это: «Кэсси, знаешь, как на войне определить, кто твой враг?»

Не знаю, почему папа не вызвался пойти со мной. Может, подумал, что они ни в чем таком ребенка не заподозрят и хоть у кого-то из нас получится... по крайней мере, у меня будет шанс.

Может быть.

– Хорошо, – сказал Вош.

Он ткнул пальцем в сторону Бранча: «Пойдешь с ней».

– Она справится, – сказал папа. – Этот лес знает как свои пять пальцев. Пять минут, да, Кэсси? – Папа посмотрел на Воша и улыбнулся: – Пять минут.

– Не тупи, Салливан, – сказал Хатчфилд. – Она не может выйти из лагеря без сопровождения.

– Да, конечно, – согласился папа. – Хорошо. Конечно, ты прав.

Папа наклонился ко мне и обнял. Объятие было не слишком крепким и не слишком долгим. Прижал – от-

пустил. Ничего похожего на прощание.

«До свидания, Кэсси».

Бранч повернулся к своему командиру и спросил:

– Первый приоритет, сэр?

Вош кивнул:

– Первый приоритет.

Мы вышли под яркое солнце – мужчина в противогазе и девочка с плюшевым мишкой. Прямо напротив нас два солдата стояли, прислонившись к «хамви». Когда мы шли к госпиталю, я их не видела. При нашем появлении они вытянулись в струнку. Капрал Бранч показал им большой палец, а потом поднял вверх указательный.

«Первый приоритет».

– Далеко это? – спросил он меня.

– Нет, недалеко, – ответила я.

Собственный голос показался мне тоненьким. Наверное, это плюшевый мишка тянул меня обратно в детство.

Бранч шел за мной по тропинке, которая змейкой убегала в чащу, винтовку он держал перед собой стволом вниз. – Сухая земля скрипела под тяжелыми коричневыми ботинками капрала.

День стоял теплый, но в лесу было прохладно. Мы прошли мимо дерева, за которое я спрятала М-16. Я не оглянулась на капрала – продолжала идти дальше,

к поляне.

Да, он там был. Маленький подонок стоял по колено в человеческом пепле и костях и выживал бесполезные, ничего не стоящие безделушки. Эти вещи в конце пути, куда бы ни вел этот путь, должны были превратить его в большую шишку.

Он оглянулся, когда мы вышли из-за деревьев. Его волосы блестели от пота и дряни, которой он их смазывал, а щеки были в черных полосах сажи.

Увидев нас, Криско спрятал руку за спину. Что-то серебристо блеснуло на солнце.

– Привет! Кэсси, это ты? Тебя не было в лагере, я решил поискать и пришел сюда, и увидел тут... вот это...

– Это он? – спросил меня капрал.

Он снял винтовку с плеча и шагнул вперед.

Мы стояли в такой очередности: я, капрал и дальше Криско в яме с человеческими костями и пеплом.

– Да, – сказала я, – это Криско.

– Меня зовут не Криско, мое настоящее имя...

Я так и не узнала, каким было настоящее имя Криско.

Я не слышала выстрела. Я не видела, как капрал вытащил пистолет из кобуры, но я и не смотрела на него, я смотрела на Криско. Его голова откинулась назад, будто кто-то резко дернул за грязные волосы. Он

согнулся пополам и упал лицом вперед, сжимая в руке свой трофей.

Моя очередь.

Девочка с рюкзаком и с дурацким плюшевым мишкой стоит в двух ярдах от убийцы в военной форме.

Капрал развернулся кругом и вытянул руку вперед. Что было дальше, у меня стерлось из памяти. Не помню, как выронила мишку и выхватила из заднего кармана «люгер». Я даже не помню, как нажала на спусковой крючок.

Следующее, что я помню четко, – это как разлетается вдребезги стеклянный визор противогаза.

Капрал падает на колени в двух шагах от меня.

Я вижу его глаза.

Его три глаза.

Естественно, я потом осознала, что на самом деле у него два глаза. Третий был черным входным отверстием от пули, которая угодила ему между бровей.

Наверное, у него был шок, когда он вдруг увидел, что я целюсь ему в лицо. И он промедлил. Сколько это длилось? Секунду? Меньше секунды? Но в эту миллисекунду вечность свернулась, как гигантская анаконда. Если вы когда-нибудь побывали в аварии или пережили какую-нибудь другую смертельную опасность, вы знаете, о чем я. Сколько длится авто-

мобильная авария? Десять секунд? Пять? Но если вы внутри аварии, кажется, что она длится целую жизнь.

Капрал ткнулся лицом в землю. В том, что я его убила, не могло быть сомнений. Пуля проделала в затылке дыру размером с блюдце.

Но я не опустила пистолет. Я пятилась к тропинке и продолжала целиться ему в темя.

Потом развернулась и сломя голову помчалась по лесу.

В неправильном направлении.

К лагерю.

Глупо. Но я тогда не думала. Мне шестнадцать, и я впервые выстрелила человеку прямо в лицо.

Я попала в беду и просто хочу вернуться к папе.

Папа должен все исправить.

Ведь это то, что делают папы. Они все исправляют.

Мой мозг сначала не фиксировал звуки. По лесу эхом прокатились отрывистые автоматные очереди и крики людей, но они не проникали в мое сознание. В моем сознании запечатлелись другие картинки: голова Криско откидывается назад, он падает в серый пепел, как будто его скелет превратился в желе; убийца делает пируэт, и на стволе его пистолета вспыхивает солнечный блик.

Мир взорвался. Его осколки дождем сыпались вокруг меня.

Это было начало Четвертой волны.

Я успела затормозить на границе лагеря. Горячий запах пороха. Клочки дыма вырываются из окон барака. Какой-то человек ползет к складскому сараю.

Это был мой папа.

Его спина согнулась дугой. Лицо было в грязи и крови. За папой по земле тянулась дорожка из крови.

Он оглянулся как раз в тот момент, когда я вышла из-за деревьев.

«Кэсси, нет!» – прочитала я по его губам.

Потом его руки подломились, и он замер на земле.

Из барака появился военный. Легкой кошачьей походкой он двинулся к папе – руки свободно опущены, плечи расслаблены.

Я отступила за деревья и подняла пистолет. Но между нами было больше ста футов. Если бы я промахнулась...

Это был Вош. Он казался даже выше, когда стоял над лежащим папой. Папа не шевелился. Я думаю, он притворялся мертвым.

Но это было не важно.

Вош все равно в него выстрелил.

Не помню, чтобы я издала какой-то звук, когда он нажал на спусковой крючок. Но, видимо, я что-то такое сделала, что подействовало на органы чувств Воша. Черный противогаз резко повернулся, солнце от-

разилось в стеклянном щитке. Вош поднял указательный палец, а потом ткнул большим пальцем в моем направлении. Жесты предназначались для двух солдат, которые к этому моменту вышли из барака.

Первый приоритет.

21

Они рванули в мою сторону, как гепарды. Никогда в жизни не видела, чтобы кто-то так быстро бегал. Сравниться с ними в скорости могла только перепуганная до смерти девчонка, у которой на глазах застрелили ее беспомощного отца.

Лист, ветка, вьюн, ежевика. Воздух свистит в ушах. Скорострельный топот моих ног по тропинке.

В зеленом куполе леса синие обрывки неба, клинки солнечных лучей вонзаются в потрескавшуюся землю. Взорванный мир раскачивается из стороны в сторону.

Приблизившись к тому месту, где был спрятан последний подарок отца, я сбавила скорость. Моя ошибка. Крупнокалиберные пули бьют в ствол дерева в двух дюймах от моего уха. Измельченная кора летит мне в лицо. Тонкие, с волосок, щепки впиваются в щеку.

«Кэсси, знаешь, как на войне определить, кто твой враг?»

Мне от них не убежать.

Отстреляться не получится.

Может, получится их перехитрить?

Они вышли на поляну и первое, что увидели, – тело капрала Бранча (или того существа, которое называло себя капралом Бранчем).

– Один есть, – услышала я голос солдата.

Хруст ботинок в яме с костями и пеплом.

– Трупы.

Статические помехи, потом:

– Подполковник, у нас Бранч и один неопознанный штатский. Никак нет, сэр. Бранч ПVB⁶. Повторяю, Бранч ПVB. – Дальше он говорит со своим товарищем, который стоит возле тела Криско: – Вош хочет, чтобы мы незамедлительно вернулись.

Пока он выбирался из ямы, снова хрустели кости.

– Это она сбросила.

Мой рюкзак. Я пыталась закинуть его как можно дальше в лес, но он ударился о дерево и приземлился у дальнего края поляны.

– Странно, – сказал первый.

– Все нормально, – ответил его приятель. – «Глаз» о ней позаботится.

«Глаз»?

Голоса стихли. Вернулся покой и звуки леса. Шепот

---

⁶ ПVB – погиб в бою.

ветра. Пение птиц. Где-то в подлеске суетилась белка.

Но я все равно не шевелилась. Как только у меня появлялось желание бежать, я сразу его подавляла.

«Теперь не спеши, Кэсси. Они сделали то, зачем пришли. Ты должна оставаться здесь до темноты. Не шевелись!»

И я не шевелилась. Я ждала без движения на ложе из праха и костей, меня укрывал пепел жертв.

Я старалась не думать об этом.

О том, что меня укрывает.

А потом я подумала: «Эти кости были людьми, и эти люди спасли мне жизнь».

И после этого уже не было так жутко.

Это были просто люди. Они не хотели оказаться в погребальной яме, так же как не хотела этого я. Поэтому я лежала тихо-тихо.

Это может показаться странным, но я как будто чувствовала их руки. Они обнимали меня – теплые и мягкие руки умерших людей.

Не знаю, сколько я пролежала в объятиях мертвых. Казалось, что часы. Когда я наконец поднялась, солнечный свет приобрел золотистый оттенок, а воздух стал чуть прохладнее. Я с головы до ног была в сером пепле. Наверное, смахивала на воина из племени майя.

«Глаз о ней позаботится».

Если он говорил о дроне, то это не просто беспилотник, произвольно барражирующий над местностью. Предназначение такого летательного аппарата – не только уничтожение выживших после Третьей волны, способных инфицировать не затронутых эпидемией.

Возможно, дрон гораздо опаснее, чем нам казалось.

Но альтернативный вариант может быть еще хуже.

Я поспешила за рюкзаком. Лес звал меня к себе. Чем дальше я уйду от убийц, тем лучше. Потом я вспомнила про папин подарок, припрятанный в начале тропинки, буквально в одном плевке от лагеря.

Черт, надо было спрятать его в яме!

Винтовка уж точно эффективнее пистолета.

Вокруг было тихо. Даже птицы умолкли. Только ветер пробежал по холмикам пепла и подкидывал его в воздух, а пепел разлетался и плясал в золотых лучах солнца.

Они ушли. Мне ничто не угрожало.

Но я не слышала, как они уезжали. Должна же я была уловить рев грузовика и рычание «хамви»?

Потом я вспомнила, как Бранч шагнул в сторону Криско.

«Это он?»

И закинул винтовку на плечо.

Винтовка. Я крадучись пошла к его телу. Звук собственных шагов грохотал у меня в ушах. Выдохи были, как маленькие взрывы.

Бранч упал лицом вперед прямо к моим ногам. Теперь он лежал лицом кверху, хотя большая часть его лица была спрятана под маской противогаза.

Пистолет и винтовка капрала исчезли. Должно быть, их забрали солдаты. Секунду я стояла не двигаясь. На тот момент движение было самой лучшей тактикой.

Это не был следующий этап Третьей волны. Это было что-то совершенно иное. Это явно было начало Четвертой. И возможно, Четвертая волна – гнусная пародия на «Близкие контакты третьей степени». Может быть, Бранч не был человеком и носил противогаз, как маску.

Я опустилась на колени рядом с мертвым капралом, крепко схватилась за край маски и потянула вниз. Тянула, пока не увидела его глаза. Карие, очень похожие на человеческие, глаза слепо смотрели мне в лицо. Я потянула дальше.

Остановилась.

Я хотела и не хотела увидеть. Мне хотелось узнать, но я не хотела знать.

«Уходи отсюда, Кэсси. Это не важно. Или важно? Нет. Это не важно».

Порой ты разговариваешь с собственным страхом, например говоришь: «Это не важно». Как будто гладишь по голове громадного пса.

Я встала. Да, это действительно не важно. Я подняла с земли мишку и зашагала через поляну.

Но что-то меня тормозило. Я не пошла в лес, не поспешила увеличить расстояние между собой и лагерем – единственное, что давало мне шанс на спасение.

Наверное, это плюшевый мишка так на меня подействовал. Когда я подняла его с земли, у меня перед глазами возникло лицо брата. Он прижимался к стеклу заднего окна в автобусе. Его голос звучал у меня в голове: «Будет с тобой, когда ты испугаешься. Ты его не бросай».

Я чуть не забыла. Если бы не пошла проверить, осталось ли у Бранча оружие, точно забыла бы. Капрал упал прямо на бедного мишку.

«Ты его не бросай».

Кроме папы, я в лагере не видела убитых. Что, если кто-то пережил эти три минуты вечности в бараке? Там могут быть раненые, которых оставили умирать.

Поэтому я не уходила. Если фальшивые вояки уехали, а в лагере есть живые, не могу же я бросить их на произвол судьбы.

Проклятье!

Иногда внушаешь себе, что есть выбор, хотя на самом деле его нет. Понимаете, о чем я? Наличие альтернативы не означает, что эта альтернатива годится для тебя.

Я развернулась, обошла тело Бранча и по тропинке углубилась в лес, будто в сумеречный тоннель.

В третий раз я уже не забыла о винтовке. Я заткнула «люгер» за пояс, но с мышкой в руке вряд ли можно рассчитывать на меткую стрельбу, так что пришлось оставить его на тропинке.

– Все хорошо, я про тебя не забуду, – шепнула я мышке, сошла с тропинки и тихо зашагала между деревьев.

Подойдя ближе к лагерю, я легла на землю и до края леса поползла по-пластунски.

Теперь понятно, почему я не слышала, как они уезжают.

Вош разговаривал с двумя солдатами у входа на склад. Еще несколько военных болтались у одного из «хамви». Я насчитала семь, оставалось еще пять, которые находились вне поля зрения. Может, они ищут меня в лесу? Тело папы исчезло. Наверное, иные избавлялись от трупов. После того как увезли детей, в лагере осталось сорок два человека. За минуту от такого количества тел не избавиться.

Я оказалась права – именно это они и собирались сделать.

Только глушители избавляются от трупов не так, как это делаем мы.

Вош снял противогаз. Два солдата, которые были с ним, тоже. Я не увидела ни рострумов вместо рта, ни щупалец на подбородках. Они выглядели как самые обыкновенные люди. По крайней мере, на расстоянии.

В противогазах они больше не нуждались. Почему? Потому что игра кончилась. Мы поверили, будто они защищаются от возможного заражения.

Двое солдат из тех, что стояли у «хамви», поднесли к Вошу то ли чашу, то ли сферу такого же серого металлического цвета, как у дронов. Вош указал им между складом и баракком. Как раз туда, где упал мой папа.

Потом все, кроме одного, ушли. Оставшийся солдат опустился на колени рядом с серым шаром.

Завелись «хамви». К их дуэту добавился рык грузовика. Грузовик стоял у самого въезда в лагерь, так что мне его было не видно. Я совсем о нем забыла. Остальные солдаты, наверное, уже загрузились на борт и ждали. Чего же они ждали?

Оставшийся у шара солдат встал и рысцой побежал обратно к «хамви». Я наблюдала. Солдат залез на борт. «Хамви» круто развернулся вокруг оси. Клубы пыли поднялись и осели на землю, одновременно с ними на лагерь опустилась тишина летних сумерек. Тишина, как колокол, звенела у меня в ушах.

А потом серый шар засветился.

Это могло быть хорошо или плохо. Или не хорошо и не плохо. Любой вариант зависит от того, кто его рассматривает.

Шар оставили они, так что для них это было хорошо.

Свечение набирало силу. Тошнотворный желто-зеленый свет. Слабо пульсирует, как... как что? Маяк?

Я пристально смотрела в темнеющее небо. Появились первые звезды. Никаких дронов не видеть.

Если это хорошо для них, значит, это может быть плохо для меня.

И стрелка от «может быть» склонялась к «точно».

Пульсация света ускорялась. Пульсацию сменили вспышки, потом мигание.

Пульсация...

Вспышки...

Мигание...

В сумерках светящийся шар походил на глаз. Этот желто-зеленый глаз подмигивал мне.

«„Глаз“ о ней позаботится».

Моя память сохранила все, что происходило дальше, как серию моментальных снимков, как стоп-кадры из какого-нибудь артхаусного фильма, который снимали неустойчивой ручной камерой.

Кадр 1. Сажу на заднице и, как рак, пчусь от лагеря

в лес.

Кадр 2. Встала на ноги. Бегу. По сторонам мелькают смазанные пятна зеленого, коричневого, мшистого цвета.

Кадр 3. Мишка брата. Лапка, которую Сэмми слюнявил и грыз, когда был совсем маленьким, выскальчивает из моих пальцев.

Кадр 4. Вторая попытка подобрать проклятого мишку.

Кадр 5. На первом плане яма с пеплом. Я стою между телами Криско и Бранча. Прижимаю мишку к груди.

Кадры 6–10. Снова лес. Снова бегу. Если присмотритесь, увидите в левом углу десятого кадра овраг.

Кадр 11. Финальная картинка. Я зависла в воздухе над темным оврагом. Кадр сделан сразу после того, как я прыгнула с обрыва.

Я, свернувшись калачиком, лежала на дне оврага, а надо мной с ревом летела зеленая волна. Она уносила все, что оказалось на ее пути: деревья, землю, птиц, белок, сурков, всяких насекомых, то, что покоилось в яме на поляне, обломки барачков и склада, и первые два дюйма почвы в радиусе ста ярдов от взрыва. Я почувствовала ударную волну еще до приземления на дно оврага. На каждый дюйм моего тела обрушилось давление, от которого, казалось, затрещали кости. У меня чуть не лопнули барабанные перепонки.

Я вспомнила слова Криско: «Знаешь, что происходит, когда на тебя обрушиваются двести децибел?»

Нет, Криско, не знаю.

Но могу себе представить.

Все никак не заставлю себя не думать о том солдате с распятием, которого обнаружила за холодильниками для пива. Солдат и распятие. Может, поэтому я нажала на спуск? Не потому, что мне показалось, будто распятие – это пистолет. Я нажала на спусковой крючок, потому что он был солдатом или, по крайней мере, был в форме солдата.

Он не был ни Бранчем, ни Вошом. Он не был среди военных, которых я видела в тот день, когда погиб папа.

Не был и был одновременно.

Не был никем из них и был всеми ими.

Я не виновата. Так я себе говорю. Это они виноваты.

«Это они, не я, – сказала я мертвому солдату. – Хочешь кого-то обвинить, обвиняй других и отстань от меня».

Бежать равно умереть. Остаться равно умереть.

Лежа под «бьюиком», я соскальзывала в теплый сонный полумрак. Самодельный жгут практически остановил кровотечение, но каждый удар моего сердца отдавался в ране.

Помню, я тогда думала: «Все не так плохо. Умереть

вообще не так уж и плохо».

А потом я увидела лицо Сэмми. Он прижимался носом к стеклу школьного автобуса и улыбался. Он был счастлив. Он чувствовал себя в безопасности – с ним другие дети, к тому же появились военные дяденьки, которые должны защищать его и следить за тем, чтобы все было хорошо.

Эта картинка преследует меня уже несколько недель. Будит по ночам. Возникает перед глазами, когда я совсем к этому не готова, например, когда читаю, или делаю припасы, или просто лежу в маленькой палатке и думаю о том, как жила до прихода иных.

В чем смысл?

Зачем они разыграли весь этот спектакль? Прибытие «спасителей», противогазы, мундиры, «инструктаж» в бараке. Зачем все это, если они могли просто сбросить один свой мигающий «глаз» с дрона и стереть нас всех с лица земли?

В этот холодный осенний день, когда я истекала кровью под «бьюиком», мне открылась правда. Это открытие ударило сильнее, чем пуля, которая прошила мою ногу.

Сэмми.

Им нужен был Сэмми. Нет, не только Сэмми, они хотели забрать всех детей. Чтобы заполучить детей, надо было войти к нам в доверие.

«Заставим людей поверить нам, заберем детей, а после убьем всех взрослых к чертям собачьим».

Но зачем тратить силы на спасение детей? За первые три волны погибли миллиарды, не похоже, чтобы иные питали слабость к детям. Почему они забрали Сэмми?

Я, не подумав, приподняла голову и ударилась лбом о днище «бьюика». Но даже не почувствовала боли.

Я не знаю, жив ли Сэмми. Вполне может быть, что я последний человек на Земле. Но я дала обещание. Прохладный асфальт цепляется за спину. Теплый луч солнца на щеке.

Онемевшими пальцами хватаюсь за дверную ручку, подтягиваюсь и отрываю свою несчастную задницу от земли.

О том, чтобы ступить на раненую ногу, лучше и не думать. На секунду прислоняюсь к машине, потом отталкиваюсь. Я стою на одной ноге, но стою прямо.

Я могу ошибаться, и они вовсе не собирались оставить Сэмми в живых. С момента прибытия я почти всегда ошибалась. Я вполне могу быть последним человеком на Земле.

Возможно... нет, скорее всего, я обречена.

Но если это так, если я последний представитель своего вида, последняя страница в истории челове-

чества, то черта с два я позволю этой истории вот так закончиться.

Может, я и последняя, но я не червяк. Я стою прямо, и я способна повернуться лицом к безликому преследователю, который прячется в лесу у пустынного шоссе.

Потому что если я последняя – значит я и есть человечество.

А если это последняя битва человечества, то я – поле битвы.

II. «Страна чудес»

25

Зовите меня Зомби.

Болят все – голова, руки, ноги, спина, живот, грудь. Даже моргать больно. Так что я стараюсь не двигаться и поменьше думать о боли. Я стараюсь поменьше думать, точка. В последние три месяца я посмотрелся на зараженных, поэтому знаю, что меня ждет: весь организм, начиная с мозга, превратится в жижу. «Красная смерть» превращает твои мозги в пюре, а потом принимается за оставшиеся внутренности. Ты не понимаешь, где ты, кто ты, что ты. Ты превращаешься в зомби, в ходячего мертвеца. Это если еще можешь ходить. Но ходить ты уже не можешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.